

КРЕЙСЕРЪ I-го РАНГА

„ОЛЕГЪ“

въ бою 14-го Мая 1905 года,

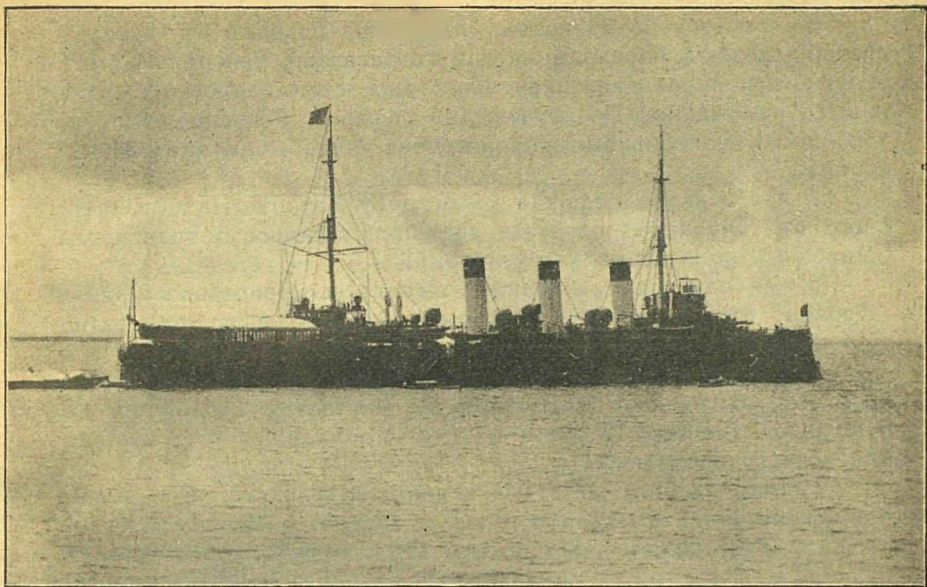
у острова Цусимы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Художественная Типо-Литографія А. К. Вейерманъ, Мѣщанская, 2.

1906

Крейсеръ I-го ранга „Олегъ“ до боя въ Цусимскомъ проливѣ.

Крейсеръ I-го ранга „Олегъ“ въ бою 14-го Мая 1905 г. у острова Цусимы.

6 мая, въ началѣ 1 часа ночи, крейсеръ „Олегъ“, по приказанію командующаго эскадрой вице-адмирала Рожественскаго остановилъ англійскій пароходъ „Oldhamia“ съ грузомъ керосина изъ Нью-Йорка въ Японію въ шир. $19^{\circ}38' N$ и долг. $120^{\circ}20,5'$ и привелъ его къ эскадрѣ для провѣрки груза.

Раньше, чѣмъ это было сдѣлано, приказано было снять съ него команду на крейсеръ 2 ранга „Днѣпръ“, командира и механика парохода сначала на крейсеръ, а потомъ на госпитальное судно „Орелъ“. На пароходѣ же „Oldhamia“ была привезена военная команда, а на него немедленно начали грузить уголь, чтобы отправить его черезъ Лаперузовъ проливъ во Владивостокъ. Такъ какъ на пароходѣ не хватало нѣкоторыхъ важныхъ документовъ, то приказано было составить протоколъ о его задержаніи.

Въ то же утро крейсеръ „Жемчугъ“ подвелъ къ эскадрѣ пустой шведскій пароходъ, идущій въ Нагасаки. Вскорѣ онъ былъ отпущенъ и черезъ него конечно стало всѣмъ извѣстно о мѣстѣ нашего нахождения. По случаю дня рожденія Государя Императора послѣ молебна былъ произведенъ общій салютъ въ 31 выстрѣлъ.

7 мая эскадра подошла къ острову Батонъ. На англійскій пароходъ „Oldhamia“ погрузка угля продолжалась съ транспорта „Ливонія“, но мѣшала нагрузкѣ зыбь.

8 мая пароходъ „Oldhamia“ вмѣстѣ съ крейсеромъ 2 ранга „Кубань“ отдѣлились отъ эскадры. „Кубани“ было приказано или подбуксировать пароходъ или догрузить ему уголь.

9 мая предполагалась послѣдняя погрузка угля съ транспортовъ, уходящихъ въ Шанхай, но вслѣдствіе дурной погоды отменена. Крейсеръ 2 ранга „Терекъ“ отдѣлился отъ эскадры для особаго назначенія.

10 мая въ шир. $27^{\circ}15'N$ и долготы $125^{\circ}12'$, S эскадры принимали уголь съ транспортовъ и воду съ „Метеора“. Крейсеръ до 3-хъ часовъ дня принялъ 170 тоннъ угля и 192 тоннъ воды. Съ „Владимира“ привезено 15 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

11 мая въ шир. $20^{\circ}0'N$ и долг. $123^{\circ}55,5'0$ транспортамъ приказано было отдать буксиры отъ миноносцевъ.

12 мая въ шир. $31^{\circ}0'N$ и долг. $123^{\circ}11'0$ транспорты: „Владимиръ“, „Воронежъ“, „Метеоръ“, „Ярославль“, „Курунія“ и „Ливонія“ пошли въ Шанхай, а крейсеръ 2-го ранга „Днѣпръ“ и „Ріонъ“—по особому секретному назначенію. При эскадрѣ остались военные транспорты: „Камчатка“, „Анадырь“, „Иртышъ“ коммерческой—„Корея“ и буксирные пароходы „Русь“ („Орландъ“ и „Свирь“).

Погода туманная. Эскадра легла на курсъ $N070^{\circ}$.

Вечеромъ былъ сигналъ: „Крейсерамъ съ разсвѣтомъ имѣть пары для 15-ти узлового хода“.

13 мая—Пятница. Погода пасмурная, сырая. Утромъ броненосцы первый разъ попробовали маневрировать вмѣстѣ съ отрядомъ Небогатова. При ходѣ въ 11 узл., построились сначала во фронтъ, потомъ сдѣлали нѣсколько поворотовъ на разное число румбовъ. Маневры вышли очень нестройные особенно у отряда Небогатова.

Во время этого ученія былъ замѣченъ вдали какой-то пароходъ, можетъ быть непріятельскій развѣдчикъ, такъ какъ на аппаратъ беспроволочнаго телеграфа появились какіе-то непонятные знаки.

Мѣсто эскадры въ полдень шир. $32^{\circ}43'N$ и долг. $126^{\circ}19\frac{1}{2}'0$.

Въ 12 час. 30 мин. дня легли на курсъ О.

Въ 1 час. дня сигналъ съ „Суворова“: „Непріятельскіе развѣдчики видятъ нашъ дымъ. Много телеграфируютъ между собою“.

Транспортамъ приказано было быть между колоннами броненосцевъ и крейсерами по обѣ стороны ихъ.

Въ 2^{1/2} час. дня по сигналу съ „Суворова“: „Маневръ. Непритель впереди“, броненосцы вправо и влѣво отъ середины построились во фронтъ и пошли на предполагаемаго непріятели. Построеніе вышло очень неудачное, съ большимъ интерваломъ въ срединѣ, но вторично уже не продѣлывалось.

Въ 4 час. 30 м. дня. Сигналъ съ „Суворова“: „Приготовиться къ бою“. Черезъ ^{1/4} часа другой сигналъ: „Завтра съ подъемомъ флага, поднять стеньговые флаги“. Черезъ ^{1/4} часа сигналъ: „Во время боя имѣть лучшихъ телеграфистовъ и разсыльныхъ у аппаратовъ“.

У большинства судовъ съ самомъ началѣ сраженія были сбиты или мачты или телеграфы.

Въ 6 час. курсъ NO 60, ходъ 8 узловъ. Сигналъ: „Завтра съ разсвѣтомъ имѣть пары для полного хода, а 6-му отдѣленію крейсеровъ быть въ тылу транспортовъ“. Последнее относилось къ „Донскому“ и „Мономаху“.

14-го мая. Суббота. День коронованія, совпавшаго съ днемъ рожденія японской императрицы, какъ узналось потомъ.

Погода сильно пасмурная.

Въ 5 часовъ утра сигналъ: „Имѣть 9 узловъ хода“.

Въ 6 час. 30 мин. утра „Ослябя“ просигналилъ, что видитъ съ правой стороны судно. „Ураль“ — „Вижу непріятельскій крейсеръ въ 40 кабельтовыхъ на SO 40°“.

Въ 8 час. утра мѣсто эскадры шир.—38° 44^{1/2}. N, долг.—129° 0' 0. Погода пасмурная. Вѣтеръ SWз.

Непріятельскіе развѣдчики все время усиленно переговариваются между собою по беспроводнымъ телеграфамъ, но мы имъ не мѣшаемъ, хотя крейсеръ „Ураль“ могъ бы сразу ихъ всѣ испортить. У насъ же давно запрещено пользоваться ими, чтобы будто не выдавать себя, и переговоры ведутся только флагами или семафорами.

Не лучше-ли было послѣ того совсѣмъ не тратиться на установку беспроводныхъ аппаратовъ.

Въ 8 ч. 15 м. утра мы увидали NW 15 восемь непріятельскихъ старыхъ крейсеровъ, о чемъ извѣстили сигналомъ.

Въ 9 час. 10 м. съ „Суворова“: „Когда непритель покажется въ тылу, то броненосцамъ построить фронтъ направо и налѣво. Крейсерамъ и транспортамъ выходить впередъ“.

Въ 9 ч. 35 м. вслѣдствіе приближенія непріятельскихъ крейсеровъ пробили боевую тревогу.

Въ 10 ч. 10 м. съ „Суворова“: „Въ полдень курсъ NO 230“.

Въ 10 час. 20 мин. съ „Суворова“: Команда имѣетъ время обѣдать по вахтенно“:

Въ 10 ч. 35 м. Мы подняли сигналъ: „Вижу непріятеля на NW 60“.

Въ 11 ч. непріятельскіе крейсера, повидимому „Kasagi“, „Schitoze“, „Nitaka“ и „Tsusima“, еще не совсѣмъ ясно обрисовались въ туманѣ слѣва въ разстояніи 35 кабельтовыхъ и все приближались. I и II броненосные отряды стали переходить на лѣвую сторону, становясь выше III броненоснаго отряда, т. е. „Николая“, „Апраксина“, „Сенявина“, „Ушакова“.

Въ 11 ч. 13 м. съ „Адмирала Ушакова“ раздался первый выстрѣлъ, и вся лѣвая колонна открыла по четыремъ японскимъ крейсерамъ частый огонь, но къ сожалѣнію, нѣсколько поздно, потому что они, приближаясь до 29 кабельтовыхъ, стали снова удаляться, отвѣчая на нашъ огонь.

Въ 11 ч. 17 м. съ „Суворова“ сигналъ: „Не кидать снарядовъ“.

Въ 11 ч. 19 м. сыграли дробь и прекратили стрѣльбу. Было выпущено 6-дюймовыхъ снарядовъ 17 шт., 75-меллиметр. 5 штукъ.

Въ 11 ч. 25 м. сигналъ: „Крейсерамъ и транспортамъ имѣть 9 узловъ ходу“. Мѣсто эскадры въ полдень шир.=34°2'N и долг.=129°42'O. Карта англійская № 358.

Въ 12 ч. 15 м. съ „Суворова“ сигналъ: „Свѣтланѣ оберегать транспорты“.

Въ 12 ч. 30 м. I броненосный отрядъ: „Князь Суворовъ“, „Александръ III“, „Бородино“, „Орель“ — описали координаты вправо и пошли параллельно нѣсколько впереди кильватерной колонны, II и III отрядовъ броненосцевъ: „Ослябя“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“; крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, броненосцевъ: „Николай I“, „Генераль-адмиралъ Апраксинъ“, „Адмиралъ Сенявинъ“ и „Адмиралъ Ушаковъ“.

Въ 12 ч. 45 м. съ „Суворова“ сигналъ: „Имѣть 9 узловъ ходу“.

Въ 1 ч. 30 м. съ „Суворова“: „Крейсерамъ и транспортамъ держаться правѣ“. „Миноносцамъ: „Блестящій“, „Безупречный“ быть при крейсерахъ „Олегъ“.

Легли на курсъ NO50° и пошли вмѣстѣ съ „Авророй“ вправо отъ броненосцевъ, чтобы быть во главѣ транспортовъ.

Въ 1 ч. 40 м. слѣва, впереди броненосцевъ, обрисовалась въ пасмурности, держа курсъ на броненосецъ „Ослябя“, япон-

ская боевая линия судовъ, состоящая изъ четырехъ броненосцевъ и восьми броненосныхъ крейсеровъ.

Всѣ они были окрашены въ такой замѣчательный цвѣтъ, что ихъ трудно было различать въ этой пасмурной погодѣ. Дымовъ изъ трубъ, какъ у насъ, не было видно.

Въ 1 ч. 45 м. нашъ I броненосный отрядъ описалъ координатъ влѣво и сталъ вступать головными II и III отрядами.

Въ 1 ч. 48 м. пробили боевую тревогу.

Въ 1 ч. 50 м. наши и японцы открыли одновременно огонь.

Въ этотъ же моментъ у островка Катцу-Сима показался японскій крейсеръ „Akizushima“, по которому мы немедленно открыли огонь съ праваго борта. Другіе крейсера сдѣлали тоже самое, и непріятельскій крейсеръ ушелъ за островъ.

Въ 2 ч. 20 м. Въ кормовой части „Суворова“ произошелъ пожаръ и разбило его заднюю трубу.

Въ 2 ч. 30 м. „Бородино“ вышелъ изъ строя и, немного постоявъ сталъ вступать концевымъ за „Адмираломъ Ушаковымъ“.

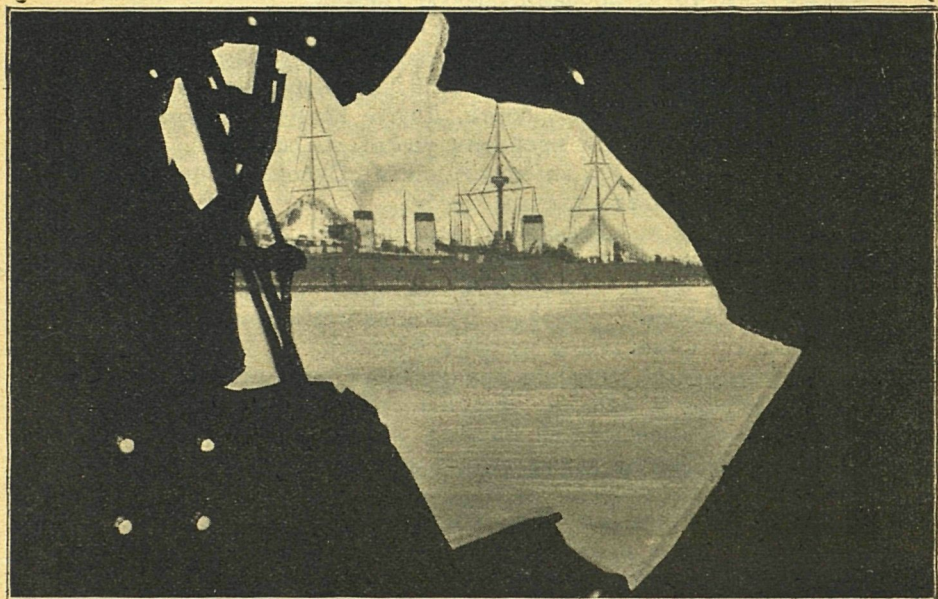
Въ 2 ч. 40 м. показались на SSO японскіе крейсера: „Kazagi“, „Tchitoze“, „Nitaka“, „Tsusima“. Мы повернули на S и открыли по нимъ огонь лѣвымъ бортомъ.

Въ это время японскія броненосныя суда успѣли описать параболу вправо и начали обходить нашъ головной корабль, почему онъ со всей линіей нашихъ судовъ тоже сталъ склоняться вправо, чтобы держаться съ непріятелемъ по параллельному курсу.

Такъ какъ японцы главнымъ образомъ обсыпали снарядами наши адмиральскіе корабли „Суворовъ“ и „Ослябя“, при чемъ такъ, что около нихъ стояла сплошная стѣна громадныхъ столбовъ воды, огня и чернаго дыма, то броненосецъ „Ослябя“ не выдержалъ и вышелъ изъ строя вправо. Японскіе снаряды, не въ примѣръ нашимъ, рвутся не только отъ ударовъ о твердые предметы, но и о воду, при чемъ выпускаютъ черный дымъ, даютъ массу осколковъ и поднимаютъ громадный столбъ воды. Это, собственно говоря, не снаряды въ полномъ смыслѣ, а прямо особаго сорта мины, которыя поэтому, какъ и мины, производятъ одинаковый эффектъ, что на дальнемъ, что на близкомъ разстояніяхъ. Для такихъ снарядовъ не требуется масса и скорость вылета, а только средство ихъ выкинуть, чтобы потомъ уже работала не живая сила удара, какъ у насъ, а только энергія того взрывчатого вещества, которое въ нихъ помѣщено.

Это новое изобрѣтеніе даетъ японцамъ громадныя преимущества передъ старыми снарядами, потому что, во-первыхъ, позволяетъ имъ видѣть, куда падаетъ снарядъ, а слѣдовательно

корректировать стрѣльбу; во-вторыхъ, позволяетъ имъ стрѣлять на очень большія разстоянія, да еще вредить имъ не только отъ непосредственнаго попаданія, но даже при паденіяхъ въ воду, близъ судна массою брызгъ, залѣпляющихъ глаза людей, а если поближе, то разрывами борта ниже воды и массой осколковъ, проникающихъ повсюду и пронизывающихъ людей. Очень обидно и горько, что у насъ не могли додуматься до такой про-

„Олегъ“ послѣ боя. Самая большая пробоина въ корпусѣ, черезъ которую видѣнъ крейсеръ „Жемчугъ“.

стой идеи. Лучше бы сдѣлать было это, чѣмъ какіе-то наконечники на снаряды, для которыхъ еще требуется быть непріятелю у самого дула, да еще стоять къ нему нормально.

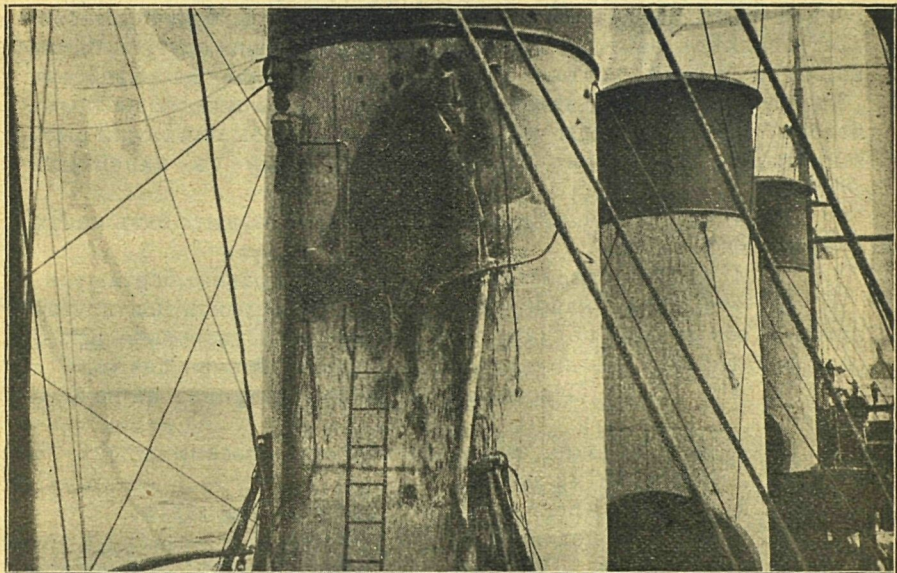
Въ 2 час. 50 мин. затонулъ у всѣхъ на глазахъ броненосецъ „Ослябя“, перевернувшись и пойдя носомъ ко дну на глубинѣ 45 сажень.

Впечатлѣніе было ужасное и рѣзнуло оно по нашимъ сердцамъ, какъ самымъ острымъ ножомъ.

Въ 3 час. „Бородино“ вступилъ въ строй.

Въ 3 ч. 20 мин. появились съ лѣвой стороны крейсера: „Matsushima“, „Itsukyshima“, „Hashidate“, „Suma“ и броненосецъ „Chin len“.

Въ 3 ч. 55 мин. мы подняли сигналъ: „Крейсерамъ быть въ кильватерѣ“. Наши слабые крейсера и несчастные транспорты попали подъ перекрестный огонь, но мы храбро отвѣчали обѣими бортами, только, къ сожалѣнію, наши 6" снаряды не всегда достигали непріятеля, а ихъ 12" и 8" снаряды намъ порядочно вредили, почему приходилось спасаться частой перемѣной ходовъ, доводя ихъ иногда на короткое время до самаго полного.

Во время боя. Пробойна на трубѣ, закрытая рогожами, которая безпрестанно поливалась водой, чтобы она не загорѣлась.

Кромѣ того очень мѣшало стрѣльбѣ наше подвѣтренное положеніе относительно непріятеля, благодаря которому брызги отъ волнъ залѣпляли глаза и оптическіе прицѣлы.

Въ 3 ч. 55 м. „Ураль“ поднялъ сигналъ: „Имѣю подводную пробоину, справиться не могу“. Къ нему храбро подошли буксиры „Русь“ и „Свирь“, чтобы спасти людей и подавать буксиры. Снаряды такъ и сыпались около нихъ, взбивая воду въ громадные, черные, съ проблесками огня, фонтаны, а они прехладнокровно дѣлали свое великое дѣло. Да не умрутъ никогда въ памяти нашей морской исторіи имена этихъ скромныхъ буксировъ и ихъ отважныхъ капитановъ и командъ!

Въ 3 часа 57 мин. прекратили стрѣльбу лѣвымъ бортомъ, потому что мѣшали намъ столпившіеся съ этой стороны наши транспорты, миноносцы и „Алмазъ“.

Вотъ тоже ни въ чемъ неповинныя, безотвѣтныя жертвы, за что-то попавшія въ это побоище!

Въ 4 часа рулевой Бѣлоусовъ и сигнальщикъ Искринъ одновременно замѣтили передъ носомъ крейсера плавающую на поверхности короткую мину Уайтхеда. Бѣлоусовъ самъ отвелъ руль и тѣмъ можетъ быть спасъ крейсеръ отъ большой опасности. Вслѣдъ за этой миной разглядѣли еще другую близъ кормы и о ней успѣли предупредить семафоромъ крейсеръ „Аврору“. Эти мины вѣроятно были съ японскихъ подводныхъ лодокъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы онѣ могли быть выпускаемы на такомъ большомъ разстояніи съ линейныхъ судовъ.

Въ 4 часа 5 мин. увидѣли „Суворова“, стоящаго безъ мачтъ и трубъ внѣ строя.

Въ 4 ч. 17 м. перестали стрѣлять съ праваго борта.

Въ 4 ч. 20 м. наши броненосцы повернулись на другой галсъ и образовали полукругъ для защиты „Суворова“. Крейсера послѣдовали въ кильватеръ концевымъ броненосцамъ.

Въ 4 ч. 30 м. „Суворовъ“ далъ ходъ и вступилъ въ конецъ строя.

Въ 4 часа 50 мин. наши броненосцы, тѣснимые отъ Н японцами, повернули на NW.

Въ 5 ч. 7 м. „Александръ III“ вышелъ изъ строя.

Въ 5 ч. 10 м. легли на курсъ NW 50°.

Въ 5 час. 35 м. „Бородино“ поднялъ сигналъ: „Транспортамъ курсъ NO 23°, имѣть 8 узловъ ходу“.

Въ 5 час. 40 мин. „Александръ III“ вступилъ концевымъ перваго отдѣленія.

Въ 6 ч. суда эскадры репетовали сигналъ: „Адмиралъ поручаетъ командованіе эскадрой контръ-адмиралу Небогатову“.

Въ 6 ч. 20 м. броненосцы начали склоняться постепенно къ W.

Въ 6 ч. 30 м. на „Бородино“ вспыхнулъ пожаръ въ кормѣ, вѣроятно загорѣлись рубка и шлюпки. Онѣ у насъ еще до сихъ поръ деревянныя, спеціально для пожаровъ и осколковъ.

Вышелъ опять изъ строя „Александръ III“.

Въ 6 ч. 35 м. миноносецъ, „Буйный“, имѣя сигналъ: „Адмиралъ на миноносцѣ“, поворотилъ самъ къ югу.

Въ лучахъ заката солнца появилось нѣсколько линій японскихъ миноносцевъ, преграждая намъ путь на сѣверъ, но пока

не трогаясь съ мѣста. Пробовали по нимъ стрѣлять, но безуспѣшно—слишкомъ далеко.

Въ 7 ч. броненосецъ „Императоръ Александръ III“ вступилъ въ кильватеръ концевымъ.

Въ 7 ч. 12 м. „Бородино“, будучи головнымъ и все время упорно обстрѣливаясь, вдругъ сразу затонулъ. Это было такъ неожиданно и мгновенно, что казалось будто слѣдующій за нимъ въ кильватеръ броненосецъ „Орелъ“ не успѣлъ отвести руля и какъ бы прошелъ по колыхающей еще могилѣ своего боевого товарища. Опять страшная гибель! Да, что же это?.. За всю войну отъ снарядовъ не утонуло ни одно судно; послѣ сраженія при Ялу японцы добивали два китайскихъ броненосца и не могли добить а тутъ или мгновенно тонуть лучшіе броненосцы или то-и-дѣло выходятъ съ кренами изъ строя! Какъ бы японскіе снаряды ни были хороши, но они все-таки такой силы противъ брони не имѣютъ, чтобы губить такъ быстро броненосныя суда. Не пустили же они ко дну ни „Пересвѣта“, ни „Цесаревича“, ни „Ретвизана“, ни даже „Варяга“, „Рюрика“, „Новика“, „Діаны“, „Аскольда“. Не надо забывать, что у японцевъ въ броненосной линіи всего дѣйствовало шестнадцать 12" орудій и одно 10", а у насъ двадцать шесть 12", пятнадцать 10" и четыре 9", итого 45 крупныхъ орудій противъ 17, и мы у нихъ не утопили ни одного судна, а они у насъ нѣсколько.

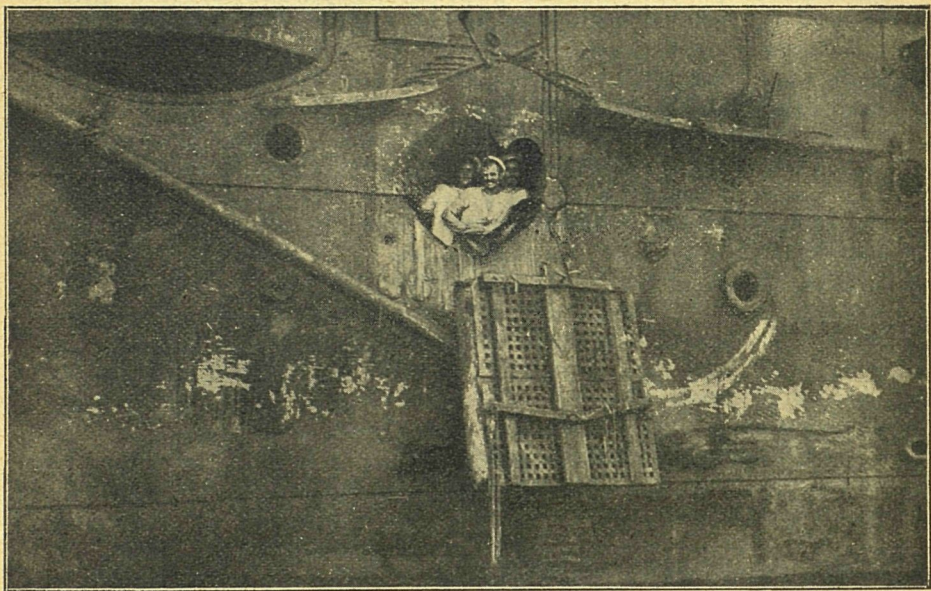
Нельзя же допустить, чтобы мы такъ плохо стрѣляли, что на разстояніяхъ 25—30 кабельтовыхъ не могли совсѣмъ попадать. Наши комендоры для такихъ разстояній совсѣмъ не плохи, а для болѣешихъ и ихъ 8" пушки не играли особенной роли для нашей брони. Ясно, что причиной нашего жестокаго пораженія не пушки, а совсѣмъ другое—подводныя лодки. Любой флотъ на нашемъ мѣстѣ потерпѣлъ бы одинаковое пораженіе. Какъ появленіе монитора перевернуло вверхъ дномъ всю бывшую до того морскую исторію, такъ теперь появленіе на сцену невидимыхъ судовъ переворачиваетъ новую страницу въ ней и отводитъ въ вѣчность ту силу, которая называлась эскадреннымъ броненосцемъ.

Мы пришли въ докъ японцевъ, да еще въ центръ самой большой ихъ минной станціи, устроенной какъ всѣмъ извѣстно, на Цусимскихъ островахъ *), и было бы очень страннымъ предполагать, чтобы японцы не воспользовались такимъ удобнымъ

Будь мѣсто встрѣчи не Цусимскій проливъ, а другое, гдѣ не было бы ихъ подводныхъ лодокъ, то японцы вѣроятно не дали бы сраженія, чтобы не рисковать своей арміей.

случае́мъ и не пусти́ли бы въ хо́дъ новое средство—подводныя лодки,—которыя имъ, какъ и намъ, навезли американцы. Это было бы настолько же непонятнымъ, какъ если бы сраже́нiе произошло близъ самаго Владивостока и существующія тамъ наши подводныя лодки не приняли бы въ немъ никакого участія.

Въ 7 ч. 15 м., когда стало темнѣть, японскіе миноносцы пошли въ атаку на насъ и на броненосцы.

Пробоина въ крейсере „Оле́гъ“.

Въ 7 ч. 20 м. головной корабль „Орелъ“ повернулъ на S, чему послѣдовали и остальные наши броненосцы. „Императоръ Николай I“ со своимъ эскадромъ сильно оттянулъ линію нашихъ судовъ и никакихъ сигналовъ не дѣлалъ, хотя его мачты были цѣлы.

Въ 7 ч. 22 м. мы тоже вмѣстѣ съ крейсерами и транспор-тами взяли курсъ на S.

Въ 8 ч. отражали первую атаку японскихъ миноносцевъ. Наступившая темнота совершенно отняла возможность отличать свои суда отъ непріятельскихъ, такъ какъ стрѣльба изъ орудій не унималась, а продолжала грохотать со всѣхъ сторонъ, то наши попытки поворачивать на N, NW, NO, чтобы присоеди-

ниться къ эскадрѣ или пройти во Владивостокъ, встрѣчали огонь своихъ и чужихъ судовъ и оказывались неосуществимыми. Онѣ привели лишь къ тому, что часть судовъ, двинувшись вмѣстѣ съ нами на югъ, насъ растеряла и остались только „Аврора“ съ „Жемчугомъ“. Впрочемъ, къ тому же самому должно было привести: большой ходъ и частое переключиваніе руля съ борта на бортъ, чтобы до нѣкоторой степени обезпечить себя отъ попаданія японскихъ минъ еще не разъ атаковавшихъ насъ, миноносцевъ, какъ это ясно опредѣлялось появленіемъ ихъ силуэтовъ вблизи самого крейсера, вспыхиваніемъ огоньковъ въ сопровожденіи сухого треска на подобіе ружейной стрѣльбы пачками, при вылетѣ минъ изъ аппаратовъ.

Въ 9 ч. повернули на W.

Въ 9 ч. 25 м. повернули на N.

Въ 9 ч. 40 м., увидѣвъ идущихъ въ атаку миноносцевъ, легли на курсъ SW 55°.

Въ 10 ч. различая идущіе по правой сторонѣ, повидимому, японскіе крейсера, легли на курсъ SW 45°. Мы долго не могли ихъ перегнать, и это обстоятельство помѣшало намъ попробовать пройти на сѣверъ западнымъ Цусимскимъ проливомъ. А такъ какъ позади ихъ виднѣлись еще огни, да къ тому же по случаю боя и всѣхъ этихъ многочисленныхъ поворотовъ наше мѣсто на картѣ было совершенно потеряно, то и безъ упомянутыхъ препятствій такая попытка могла бы привести крейсеръ къ крушенію.

Пройти кругомъ Японіи или снова прорываться Цусимскимъ проливомъ никакъ было нельзя: машины совершенно разработались, въ рубашку праваго цилиндра высокаго давленія просачивался рабочій паръ, угля было недостаточно, и потому адмиралъ рѣшилъ двигаться въ Маниллу, какъ единственное мѣсто, гдѣ можно было рассчитывать произвести починку многочисленныхъ поврежденій, полученныхъ въ бою, и принять уголь.

Въ Шанхай „Аврора“ пройти не могла вслѣдствіе большой осадки.

На другой день остановились, чтобы задѣлать болѣе прочно пробоины и чтобы переѣхать контръ-адмиралу Энквисту на крейсеръ „Аврора“, гдѣ былъ убитъ командиръ, капитанъ 1 ранга Егорьевъ.

Наша боевая линія судовъ состояла изъ 4-хъ современныхъ броненосцевъ, полуброненосца, полукрейсера, двухъ старыхъ броненосцевъ, 1 очень устарѣлаго, 3 броненосцевъ береговой обороны, 1 устарѣлаго крейсера.

У японцевъ 4 современныхъ броненосца и 8 бронированныхъ быстроходныхъ крейсеровъ.

Наши легкіе крейсера состояли изъ „Олега“, „Авроры“, „Владимира Мономаха“, „Свѣтланы“, учебнаго судна „Дмитрій Донской“, яхты „Алмазъ“ и пассажирскаго парохода „Уралъ“ съ вооруженіемъ, состоявшимъ изъ 6" и 120 мил.

У японцевъ было три ~~крейсера~~, вооруженныхъ 12¹/₂" пушками, пять 8", остальные—6" и 120 мил.; къ нимъ былъ еще присоединенъ Чинъ-Иенъ (бывшій китайскій броненосецъ). Кромѣ того у нихъ было нѣсколько вооруженныхъ пароходовъ и даже минныхъ катеровъ, такъ какъ мы имъ дали сраженіе въ самомъ удобномъ для нихъ мѣстѣ, гдѣ они могли использовать любую свою мелочь. Кромѣ того, мы вошли намѣренно въ Цусимскій проливъ днемъ, шли по немъ всего 9-узловымъ ходомъ, почему завязали бой слишкомъ поздно и тѣмъ дали японцамъ тѣ преимущества, на которыхъ они рассчитывали т. е. какъ можно меньше времени драться боевыми судами и какъ можно скорѣй пустить въ ходъ тѣ средства, которыхъ имъ терять было нисколько не жалко, но отъ которыхъ наша убыль становилась гораздо болѣе дѣйствительной, чѣмъ отъ артиллерійскаго огня съ ихъ броненосцевъ. Для японцевъ наступленіе темноты въ разгаръ сраженія, да еще въ узкомъ проливѣ, между родными имъ берегами, явилось громаднѣмъ неоцѣнимымъ подспорьемъ, для насъ же полнымъ разстройствомъ и гибелью. Начнись это сраженіе здѣсь же, но раньше, или случись оно въ открытомъ морѣ послѣ прохода пролива, гдѣ могли бы дѣйствовать уже только одни большіе миноносцы—и результатъ его для насъ былъ бы совершенно другой: японцы могли бы истощить запасъ своихъ снарядовъ и принуждены были бы уходить домой, они бы гораздо болѣе были повреждены, мы бы не растеряли свои суда и остались бы въ строю, а главное имъ не удалось бы помѣшать намъ, хотя бы и израненными, дойти до Владивостока.

Вѣроятно же всего, что въ открытомъ морѣ, далеко отъ своей базы, безъ подспорья подводныхъ лодокъ и многочисленнаго миннаго флота—японцы не посмѣли бы вступить съ нами въ бой, чтобы въ случаѣ гибели одного или двухъ изъ своихъ главныхъ броненосцевъ не остаться въ меньшинствѣ и тѣмъ не подвергнуть риску потери всей кампаніи, потери громадной арміи въ Манчжуріи. Для нихъ тогда было бы гораздо проще и вѣрнѣе продѣлать съ нашимъ флотомъ что-то въ родѣ Портъ-Артура, то-есть запереть его минными банками во Владивостокѣ и атаковать, пользуясь лѣтними туманами, миноносцами и подводными лодками. Свой же броненосный флотъ пока беречь, чтобы дать сраженіе у Цусимы или Владивостока, послѣ убили нашихъ судовъ.

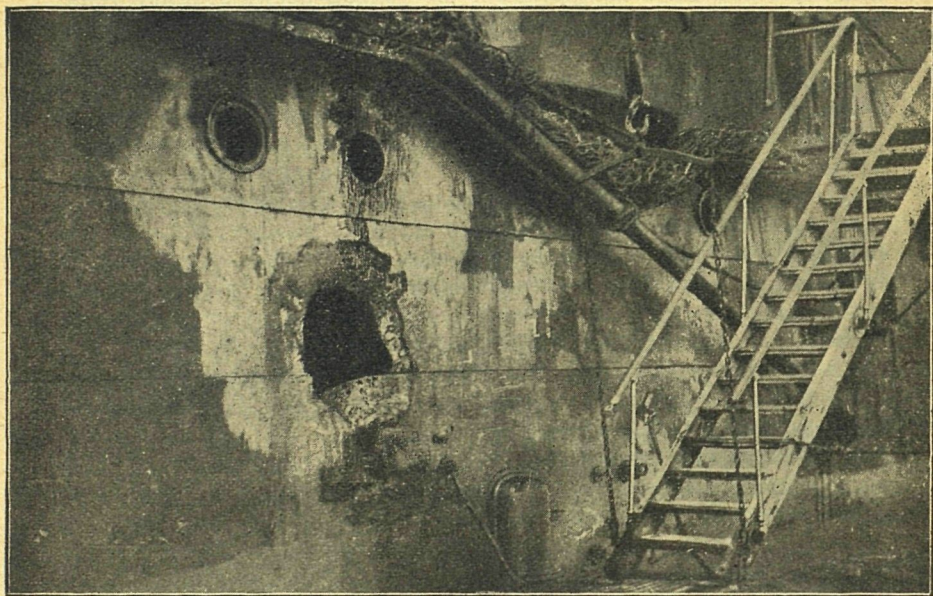
Такъ или иначе, но стоянка во Владивостокѣ послѣ длиннаго перехода для насъ была необходима уже въ силу того, что мы затянули бы вопросъ объ обладаніи моремъ, оставили бы тамъ страшную обузу—транспорты, и подкрѣпили бы себя двумя крейсерами „Громобоемъ“ и „Россіей“. Ради всего этого намъ во что бы то ни стало слѣдовало стремиться пройти во Владивостокъ и этому намъ, какъ и во все время плаванія, вполнѣ благопріятствовала погода, если бы только послѣ отсылки транспортовъ въ Шанхай мы пошли не 7—8-узловымъ ходомъ, а 10—11, потому что 12-го и въ пятницу 13-го мая стоялъ туманъ.

Нашимъ крейсерамъ и развѣдочному отряду: „Свѣтланѣ“, „Алмазу“, „Уралу“ приказано было охранять транспорты, а „Олегу“ и „Аврорѣ“ кромѣ того еще поддерживать броненосцы. Чтобы выполнить первую задачу надо было разогнать 12 японскихъ крейсеровъ, а это намъ было не подъ силу; мы принуждены были только отстрѣливаться и то не всегда, потому что ихъ крупныя пушки дѣйствовали дальше. Чтобы поддерживать броненосцы, надо было, во избѣжаніе попаданія своихъ же снарядовъ, становиться къ нимъ въ строй, что мы и попробовали дѣлать на „Александрѣ III“, оставшемся послѣ „Суворова“ головнымъ. Такіе вязались при этомъ узлы изъ нашего строя, что „Олегъ“ и „Аврора“ не успѣвали заворачивать и принуждены были выходить изъ общей линіи.

Во всякомъ случаѣ, мы изъ всѣхъ силъ старались выполнить наши задачи и потому дрались не только съ японскими крейсерами, съ броненосцами, но съ тѣми и другими вмѣстѣ, хотя погода была не въ нашу пользу; транспорты и миноносцы мѣшали маневрировать, стрѣлять, а японскіе снаряды своими взрывами, ядовитыми газами и тысячею осколковъ вырывали или вминали наши борта, душили, убивали, ранили нашихъ людей производили пожары, рѣшители все отъ верху до низу, перебивая и портя приборы управленія огнемъ, провода отъ освѣщенія, вентиляціи, подачи снарядовъ, переговорныя, вентилаторныя, пожарныя трубы и т. п.

Положеніе крейсера „Олегъ“, какъ адмиральскаго, а слѣдовательно головного корабля, было особенно невыгодно, но къ чести сказать, всѣ офицеры и вся команда дѣлали свое дѣло съ превосходнымъ мужествомъ, съ радостнымъ увлеченіемъ и полнѣйшимъ почти невѣроятнымъ самообладаніемъ: опасность отъ снарядовъ, отъ минъ нисколько не вліяла на быстрое тушеніе пожаровъ, на задѣлку пробоинъ, на откачиваніе брандспойтами и ведрами воды, на замѣну убылой прислуги у орудій, на доставку патроновъ, на переноску и перевязку раненыхъ, на

постоянную переменѣну хода отъ стопа машины до самаго полнѣйшаго—143 оборотовъ. По моему, съ такой завидной командой и офицерами не страшенъ никакой врагъ, но самъ-то крейсеръ такого чертежа, что право только впору пожелать его самому злѣйшему врагу, но никакъ ни себѣ. У него часть пушекъ и прислуги защищены, а часть нѣтъ, что ставить людей въ очень неравныя условія, а главное наводитъ на искушеніе убѣгать подъ

Пробоина на крейсерѣ „Олеги“ послѣ боя 14-го мая.

прикрытіе и манкировать своими обязанностями по судовому расписанію. Славу Богу, этого въ бою 14 мая не замѣчалось: люди сами безъ всякихъ понуканій подскакивали къ своимъ пушкамъ, даже къ мелкимъ, когда стрѣльба еще шла на большемъ разстояніи, сами замѣняли убитую прислугу, тушили пожары, подвозили патроны, таскали раненыхъ, но все-таки лучше бы имѣть судно или совсѣмъ безо всякой брони или сплошь забронированное. Во-вторыхъ, у крейсера есть бронева палуба, но нѣтъ бортовой защиты и это такъ нелѣпо устроено, что черезъ нее проходитъ масса всякихъ трубъ и штококовъ и всѣ они конечно ничѣмъ не защищены, такъ что любой снарядъ

пронизываетъ борты, тамъ разрывается, расшатываетъ палубу, срываетъ трубы и черезъ нихъ и черезъ вылетѣвшія заклепки начинаеть литься вода въ соотвѣтствующія помѣщенія ниже броневой палубы.

Такъ у насъ случилось съ нѣсколькими отдѣленіями и съ операціоннымъ пунктомъ, который черезъ сорванные вентиляторныя и переговорныя трубы сталъ наполняться водой, и медицинскому персоналу вмѣсто всего прямого дѣла пришлось затыкать въ потолокъ отверстія и вычерпывать воду. Славу Богу еще, что это случилось подъ конецъ боя, когда большинство раненыхъ были перевязаны и подняты наверхъ въ лазаретъ, гдѣ все-таки часть ихъ нашла свою смерть, такъ какъ туда попалъ снарядъ и все въ немъ исковеркало. Осколки снаряда попали тоже въ каютъ-компанію, гдѣ по старымъ традиціямъ также происходила перевязка, но къ счастью никого они не задѣли.

Задѣлка пробоинъ, откачиваніе воды, выравниваніе крена посредствомъ заполнения и откачивания бортовыхъ отсѣковъ шли все время боя безъ перерыва. Передъ этимъ во всѣхъ помѣщеніяхъ были заготовлены клинья, пробки, распоры, пакля, парусина, сало и свинецъ, но для быстрой задѣлки только часть этихъ предметовъ пригодилась, а то затыкали пробоины главнымъ образомъ койками, чемоданами, тюфяками, подпирая ихъ изъ нутра досками и бревнами. Болѣе же прочную задѣлку произвели уже потомъ, посредствомъ деревянныхъ щитовъ или рѣшетчатыхъ люковъ съ настиганными на нихъ матрацами, которые, промазавъ саломъ, подтянули снаружи борта, а внутри сдѣлали полуящики и набили ихъ мѣшками съ мукой, паклей, пробкой. Эти вещества оказались лучше всякаго цемента, но, конечно, при штормѣ ихъ бы сорвало и крейсеръ могъ бы затонуть, потому что вода хлынула бы опять въ жилую палубу, въ провизіонные погреба, а оттуда бы стала проникать, вслѣдствіе деформачіи палубъ, въ разныя нижнія помѣщенія, какъ это происходило въ день сраженія и какъ прекратилось только благодаря дружной, упорной самоотверженной работѣ офицеровъ и команды, какъ состоящихъ по расписанію при задѣлкѣ пробоинъ, такъ и явившихся къ тому по своей охотѣ. Вслѣдствіе хода и волнъ, съ силой ударявшихся въ борта, а также большого напора воды, входящей и выходящей изъ пробоинъ, задѣлка ихъ представляла чрезвычайно трудную работу, а отважная попытка сдѣлать это въ провизіонныхъ погребахъ, гдѣ носились съ борта на бортъ разные мѣшки, ящики, боченки,—чуть не кончилась гибелью людей. Пришлось оставить до поры до времени такъ, задраивъ только люки, заткнувъ насколько

возможно всѣ отверстія въ броневой палубѣ снизу и выкачивая непрерывно воду. Хорошо еще, что снаряды не пробили трубы отъ ближайшей турбины, а то была бы бѣда.

Опасныхъ пожаровъ, исключая упомянутого 75-ти миллиметр. патроннаго погреба, на крейсерѣ не было—больше тлѣло, чѣмъ горѣло. Горѣли разныя сырыя парусинныя вещи, служившія траверсами и обвѣсами. Эти свободно подвѣшанные траверзы изъ сѣтей, коекъ, морской парусины очень спасали людей.

Переноска раненыхъ, уходъ за ними представляли не мало труда и опасности для людей, назначенныхъ къ тому; однако смущеній и затяжекъ не замѣчалось даже со стороны вольнаго ресторатора и вольнаго поворы, а не только со стороны нашей команды. Про судоваго же священника и говорить нечего: онъ и ходилъ по судну съ крестомъ, онъ и всячески утѣшалъ и напутствовалъ раненыхъ.

Хотя въ броню крейсера не попало ни одного снаряда, но за нее въ правый носовой казематъ осколки залетали два раза и оба раза ранило и убило нѣсколько человѣкъ. Казалось бы, такое несчастіе должно было разстроить офицера и команду, но, къ удивленію, нисколько: осталось двое—стрѣляли вдвоемъ, остался одинъ—стрѣлялъ одинъ, пока не выручили помощники съ противоположнаго борта.

Тоже самое случилось съ 75-миллиметр. орудіемъ выше каземата, гдѣ разорвавшійся японскій снарядъ развилъ въ этомъ узкомъ мѣстѣ прямо огнедышащій вулканъ отъ своихъ же осколковъ и газовъ, отъ взрывовъ нашихъ собственныхъ патроновъ въ кранцахъ и бесѣдкахъ, отъ фейерверка англійскихъ ракетъ, случайно здѣсь оставшихся, и что же: еще люди мучились въ агоніи, а новая прислуга уже съ азартомъ палила изъ орудія!

Незанятые люди должны были укрываться между казематами и за башнями и это хотя спасло ихъ отъ ожоговъ и осколковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало число жертвъ отъ скопленія кучи людей на узкомъ пространствѣ. Когда снарядъ разорвался въ галюнѣ у праваго каземата, то осколками и газами сбросило въ погребъ наши патроны, разбросало и поранило толпившуюся здѣсь команду, но никакой особенной паники не произошло, потому что горѣвшихъ людей и погребъ сейчасъ же залили, а раненыхъ потащили къ докторамъ. Одинъ снарядъ очень крупнаго калибра, разорвавшись въ бортовыхъ сѣткахъ, образовалъ громадный клубъ огня, чернаго густого дыма, осколковъ своихъ, осколковъ отъ борта, подбросилъ очень высоко нѣсколько коекъ, но людей за траверзомъ не тронуло.

Если бы знать о такой замѣчательной защитѣ свободно подвѣшанныхъ траверзовъ, то можно бы было попробовать накрыть ими бортъ, но всего лучше такихъ хрупкихъ судовъ совсѣмъ не строить и никогда въ бой не посылать. Пользы отъ нихъ рѣшительно никакой, а вредъ для государства неисчислимый. Если американская междуусобная война, китайская, испанская оказались недостаточно поучительными для беззащитныхъ судовъ, то пусть хоть эта война укажетъ обратное. Въ одной скорости нѣтъ ни помощи, ни пользы.

Случаевъ, когда раненые оставались при исполненіи своихъ обязанностей или послѣ перевязки снова возвращались на свои мѣста, было очень много.

Отдѣльныхъ проявленій высокой храбрости и хладнокровія тоже было нѣсколько. Такъ, у одной 6-й пушки снарядъ заклинился, не дойдя до мѣста. Полѣзли за бортъ, чтобы выбивать его прибойникомъ, и полѣзли въ то время, когда сыпались кругомъ непріятельскіе снаряды.

Видя, что прибойникъ не помогаетъ, догадались гильзу укоротить топоромъ и выстрѣлить ею упрямый снарядъ. Гильза во всякомъ случаѣ не полѣно и могла бы очень наказать дерзкихъ смѣльчаковъ, но и пушкѣ нельзя же молчать, когда непріятель на виду.

Если случались поврежденія въ орудіяхъ, то ихъ тоже немедленно исправляли.

Было еще такое происшествіе: непріятельскій снарядъ на излетѣ шлепнулся о палубу и сталъ по ней вертѣться. Сейчасъ же нашелся человекъ, который его поймалъ, зажалъ руками между колѣнъ и потомъ преспокойно выбросилъ за бортъ. Часовой у флага пробылъ на своемъ посту безъ смѣны все сраженіе, а за это время сбило и флагъ и самого его не разъ обдавало горячими газами, осколками, водой, но онъ и флагъ другой немедленно поднялъ и самъ простоялъ до поздней ночи, хотя былъ слегка раненъ.

Богъ спасаетъ смѣльчаковъ, но зато когда кончилось сраженіе, прекратились атаки миноносцевъ, явилось къ утру облегченіе отъ опасности, то всѣ офицеры и вся верхняя команда поголовно свалились съ ногъ и заснули гдѣ попало богатырскимъ сномъ. Остались бодрствовать адмиралъ, капитанъ да кой-кто изъ самой необходимой команды и офицеровъ. Если бы въ этотъ моментъ явился вдругъ непріятель, то пожалуй всѣ эти богатыри предпочли бы вѣчный сонъ, а не жизнь.

Картонный крейсеръ „Олегъ“ со своимъ многочисленнымъ экипажемъ обязанъ своимъ двукратнымъ спасеніямъ въ бою и

на переходѣ до Маниллы конечно волѣ Божіей, а затѣмъ отличной машинѣ и отличному составу механиковъ и машинной команды, которая тамъ въ своей преисподней валилась съ ногъ отъ усталости, падала въ обморокъ отъ чудовищной жары, но дѣла своего не покидала. Команда видѣла 2 тонувшихъ японскихъ судна и плывшихъ матросовъ, которымъ для спасенія бросали корзины.

Причины нашего жестокаго пораженія и легкаго усиха японцевъ.

1) У японцевъ были подводныя лодки, которыя дѣйствовали во время сраженія; у насъ же ихъ не было, хотя мы могли бы притащить ихъ съ собой, какъ притащили миноносцы.

2) У японцевъ было множество миноносцевъ, которые атаковали наши суда ночью; у насъ же ихъ было всего 9 штукъ и то ими нельзя было воспользоваться, потому что мы были уже разстроены. Кромѣ того у японцевъ были заведены мины, которыя можно спускать съ разстояній, не достигаемыхъ лучами прожекторовъ, т. е. съ кабельтовыхъ двадцати. У насъ же такихъ не было.

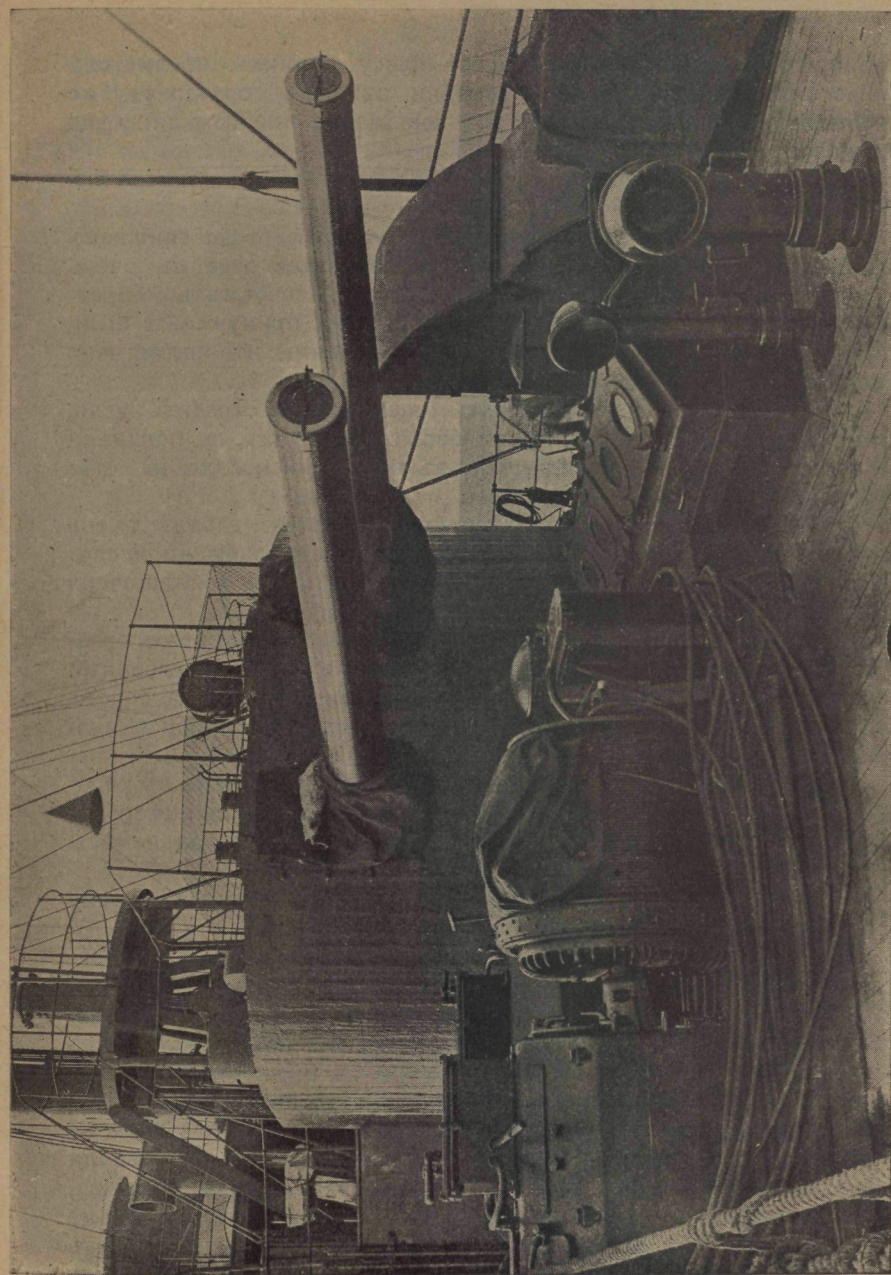
3) У японцевъ было порядочное преимущество въ количествѣ небронированныхъ судовъ, вооруженныхъ тяжелыми пушками; у насъ же ихъ было значительно меньше и при томъ со слабыми вооруженіями.

4) У японцевъ боевая эскадра состояла изъ двухъ группъ однородныхъ, современныхъ судовъ; у насъ же она была разншерстная со старой и новой артиллеріей, со старой и новой броней и разною скоростью и очень разною поворотливостью.

5) У японцевъ было по крайней мѣрѣ на 7 узловъ преимущества въ скорости хода, что давало имъ возможность занимать выгодныя положенія по линіи створа нашихъ судовъ, а намъ изъ-за этого постоянно уклоняться, вздваиваться и быть подѣ вѣтромъ и подѣ солнцемъ, которое все-таки иногда проглядывало черезъ бывшую тогда мглу. Мы, послѣ сдѣланнаго громаднаго перехода, имѣли много дефектовъ въ нашихъ механизмахъ, кромѣ того у насъ вообще постоянно лопались разныя трубы, почему командующій эскадрою не могъ рѣшиться на ходъ болѣе 9 узловъ.

6) Японцы, не смотря на большую скорость, отлично соблюдали разстоянія, потому что у нихъ въ машинахъ наставлены соотвѣтствующіе приборы Ришара или Валесси; у насъ же ихъ не было, почему наши суда то очень растягивались, то набѣгали другъ на друга.

7) Японцы, будучи у себя дома, сбросили все лишнее съ своихъ судовъ, мы же, не заведя во время базы на югѣ Кореи,

На верхней палубе "Олега" до боя 14-го Мая 1905 г.

принуждены были тащить на себѣ массу лишнѣхъ предметовъ и всякихъ запасовъ, почему сидѣли въ водѣ гораздо глубже нормальной линіи, а главное это все давало лишнюю пищу для пожаровъ.

8) Насъ страшно стѣсняли транспорты; японцы-же, конечно, ихъ не имѣли.

9) Японцы, не рассчитывая дѣйствовать флотомъ слишкомъ далеко отъ своихъ береговъ, все-таки заказали суда съ очень крупнымъ водоизмѣщеніемъ. Мы же, будучи совсѣмъ въ обратныхъ условіяхъ, объ этомъ не догадались и принуждены были всѣ жилыя-помѣщенія обращать въ угольные ямы, что несомнѣнно ухудшало боевыя свойства нашихъ судовъ.

10) Чтобы не разрабатывать машинъ и не тратить угля, мы совсѣмъ не упражнялись на большихъ ходахъ, а получили соперника, который, повидимому, въ этомъ нисколько не стѣснялся.

11) Нашъ уголь, будучи дурного качества, давалъ очень много дыму и мало хода, что облегчало стрѣльбу японцевъ. Ихъ же уголь былъ совершенно бездымный и они ходили очень быстро.

12) До японскихъ судовъ было очень трудно брать разстояніе, потому что они были выкрашены въ какой-то особенный цвѣтъ, сливающий ихъ съ водой и воздухомъ; мы же наоборотъ выглядѣли очень рельефно съ нашими черными корпусами и желтыми трубами.

13) Наша центральная системы управленія огнемъ съ передачей разстояній отъ одного, двухъ дальномѣровъ по циферблатамъ совершенно несостоятельна. Слѣдовало имѣть дальномѣры у каждой пушки.

14) У японцевъ приняты башни системы Викорса, почему они втрое скорѣе заряжали орудія, чѣмъ мы.

15) Не имѣя достаточно снарядовъ, мы совсѣмъ мало упражнялись въ стрѣльбѣ, а на полномъ ходу никогда.

16) Оптичскіе прицѣлы, только что нами поставленные, ожидаемой пользы не принесли, потому что насъ ставили въ тѣ условія, при которыхъ мы не привыкли съ ними обращаться.

17) Наши устарѣлые снаряды для тѣхъ большихъ разстояній, на которыхъ дерутся японцы (6—11 верстъ), оказались на столько же малодѣйствительными, какъ если бы мы стрѣляли ими съ завязанными глазами. Не видя, куда снаряды ложатся, нельзя корректировать наводку пушекъ, нельзя надѣяться на мѣткія попаданія. Если бы еще у насъ было преимущество въ ходѣ, чтобы держать врага на близкомъ разстояніи, то дѣло

было бы другое, а то у насъ этого тоже не хватало. Непонятно, какъ участники предшествовавшихъ боевъ съ японцами не выяснили эту гигантскую разницу между нами и ими? Вѣдь намъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало идти на нихъ, пока бы мы не завели тѣхъ же снарядовъ, что у японцевъ. Если эти снаряды не пробиваютъ брони и не топятъ суда, зато они своими безчисленными осколками разносятъ всѣ верхи, забираются во всѣ отверстія, выбиваютъ людей, а это все равно, послѣ того остается только завершить дѣло пораженія одними минами.

18) Эскадра была раздѣлена на отряды больше для удобства адмираловъ, чѣмъ требованіями морской тактики и здраваго смысла. Быстроходы впереди, тихоходы сзади. Тылъ эскадры очень слабый. Быстрыми судами не пользовались для захода во флангъ или для сближенія съ непріятелемъ, какъ требовалось это для нашихъ снарядовъ, чтобы видѣть попаданія.

19) Вошли въ проливъ днемъ, а не ночью, какъ это было необходимо; шли не выстроившись въ боевой порядокъ, шли малымъ ходомъ, а слѣдовало насколько возможно большимъ. При маломъ ходѣ даже съ сильными броненосцами нельзя выиграть сраженіе. Транспорты негодныя для боя суда слѣдовало бы отдѣлить и послать кругомъ Японіи или оставить ждать въ морѣ до выясненія результата боя.

20) Команда на эскадру была назначена безъ всякаго разбора, при томъ слишкомъ много было дано запасныхъ, а этого не слѣдовало дѣлать—ихъ надо было оставить въ Кронштадтѣ, Либавѣ и Севастополѣ. Команда измучилась нагрузкой угля подъ тропическимъ солнцемъ и постоянными ненужными тревогами, кромѣ того она 8 мѣсяцевъ не спускалась на берегъ.

21) Не было ни разу ни одного обсужденія относительно боя. Командиры не знали, что имъ дѣлать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, а между тѣмъ результатъ сраженія исключительно могъ зависѣть только отъ нихъ, а никакъ не отъ адмираловъ. Недаромъ есть тактическая поговорка: „счастливъ тотъ адмиралъ, который поднявъ сигналъ: начать бой!—больше не будетъ нуждаться ни въ какихъ сигналахъ“. Если бы адмиралъ хотя разъ устроилъ двусторонніе маневры и раза два подробно съ капитанами бы все обсудилъ, то многихъ экспромтовъ не было бы.

При всемъ этомъ главной причиной нашего жестокаго пораженія надо считать подводныя лодки, которыя уже во время сраженія разстроили нашъ флотъ, погубивъ броненосцы „Ослябя“, „Бородино“ и „Александръ III“, а ночью dokonчили пораженіе совмѣстно съ миноносцами, затопивъ „Суворовъ“, „Сисой Великій“ и „Наваринъ“. Что главная гибель нашихъ судовъ про-

изошла отъ минъ Уайтхеда, а не отъ снарядовъ, доказывается тѣмъ, что за всю войну отъ снарядовъ не утонуло ни одного судна, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были старой конструкціи, какъ напримѣръ „Рюрикъ“, а другія совсѣмъ безъ броневой защиты по ватеръ-линіи, какъ „Варягъ“, „Новикъ“, „Діана“, „Аскольдъ“. Типичнымъ доказательствомъ того же самаго можетъ еще служить очень старый крейсеръ „Дмитрій Донской“, не получившій ни одной подводной пробоины ни въ самомъ бою, ни послѣ, когда онъ въ продолженіе двухъ часовъ одинъ сражался съ шестью японскими крейсерами. Указаніе на то, что японцы лучше стали стрѣлять какъ разъ опровергается случаемъ съ крейсеромъ „Дмитрій Донской“, всѣми нашими неброненосными судами и тѣми громадными перелетами, которые нерѣдко достигали до 25 кабельтовыхъ. Указаніе же на случай въ Портъ-Артурѣ, когда японскій снарядъ сдѣлалъ на одномъ изъ нашихъ броненосцевъ большую подводную пробоину, ровно ничего не означаетъ, потому что тогда происходила навѣсная стрѣльба, а при ней снаряды могли взрываться подъ водой и дѣйствовать, какъ мины. Въ сраженіи же 14 мая никакой навѣсной стрѣльбы не было, да ее и нельзя произвести съ обыкновенныхъ судовъ; къ фортамъ же мы не приближались ближе чѣмъ на 20 миль.

Уже если японцы, выбирая специально флагманскіе корабли, не могли утопить старый-престарый „Николай I“, то какъ же они могли это сдѣлать съ современными броненосцами, конструкція которыхъ такова, что ихъ можно погубить только при стрѣльбѣ на близкихъ разстояніяхъ, но никакъ не на тѣхъ дальнихъ 35—65 кабельтовыхъ (6—11 верстъ), на которыхъ дрались японцы. Великолѣпныя качества японскихъ снарядовъ опредѣляются совсѣмъ не тѣмъ, чтобы пробивать броню—этого они дѣлать рѣшительно не въ состояніи,—а главнымъ образомъ слѣдующими ихъ свойствами: взрываться отъ всякихъ ударовъ въ сопровожденіи клуба чернаго дыма, а при паденіяхъ въ воду еще кромѣ него и водяного фонтана, что вмѣстѣ даетъ возможность правильно наводить орудія и стрѣлять на любыхъ разстояніяхъ въ предѣлахъ громадной дальности полета снарядовъ. Второе ихъ очень важное свойство состоитъ въ томъ, что снаряды, будучи начинены очень сильными взрывчатыми веществами, дѣйствуютъ на подобіе мины—совершенно одинаково на доступныхъ имъ разстояніяхъ и при взрывахъ производятъ такую массу сильно летящихъ острыхъ осколковъ, что они ранятъ или убиваютъ массу людей, портятъ орудія или все, что попадаетъ на ихъ пути, а главное еще залетаютъ въ любыя мелкія отверстія и тамъ производятъ тѣ же дѣйствія. Сказать, что этого

мало, конечно нельзя, но во всякомъ случаѣ борьба противъ такихъ снарядовъ возможна даже прикрытіями изъ свободно подвѣшанныхъ коекъ, а не только уже самою тонкою броней; противъ же подводныхъ лодокъ или вообще минъ ровно пока ничего нѣтъ, кромѣ ночной темноты и отчасти пожалуй быстрого хода, но по возможности тоже ночью.

Мы пошли спасать Россію и Манчжурскую армію съ тѣми средствами, которыя были годны 5 лѣтъ тому назадъ, а никакъ не теперь. Если-бы мы къ нашей разношерстной эскадрѣ, составленной вопреки основнымъ правиламъ тактики, изъ самыхъ разнообразныхъ судовъ со старою и новою броней, со старою и новою артиллеріей, съ большою и малою скоростью,—присоединили бы водобронныя суда и подводныя лодки, притащивъ ихъ на буксирахъ съ собою, какъ мы сдѣлали это съ миноносцами, то ликовали-бы русскіе, а не японцы.

Вѣрить или не вѣрить въ дѣйствительность минъ и подводныхъ лодокъ или водобронныхъ судовъ, нелѣпо. Въ такихъ вопросахъ, которые касаются жизни людей и цѣлости государства, никакъ нельзя опираться на одну вѣру, а слѣдуетъ сначала испытать и потомъ уже высказывать свое мнѣніе. Въ этихъ дѣлахъ настолько же опасно не вѣрить, какъ подписывая векселя, наивно предполагать, что по нимъ не послѣдуетъ взысканій.

Почему мы во всемъ, рѣшительно во всемъ отстали отъ японцевъ? Вѣдь это уже вторая катастрофа, считая Севастопольскую, когда мы по причинѣ той-же непредусмотрительности и всевозможныхъ упущеній теряемъ свой флотъ, губимъ Россію, а вмѣстѣ съ нею и самихъ себя.

У насъ есть не мало лицъ и учреждений, вѣдающихъ тѣми или другими частями флота, однако почему-же они своевременно не испытали и не осуществили замѣчательное изобрѣтеніе Джевецкаго? Почему они того же самого не сдѣлали съ подводными лодками? Кто доказалъ, вычислилъ, разсчиталъ, что это намъ негодно? Почему вообще у насъ такое пренебрежительное безразличное отношеніе ко всѣмъ изобрѣтателямъ и совершенно обратное у японцевъ? Въ издающихся японскихъ обзорѣніяхъ войны есть глава подъ названіемъ: „Творцы нашихъ побѣдъ“, гдѣ помѣщены подробныя біографіи и портреты Шимозе (порохъ), Аризакі (пушка), Ода (букетъ мина), Иджюина (снарядная трубка). Имъ воздаются всевозможныя похвалы, ихъ повсюду чествуютъ, а заслуги для отечества ставятъ не ниже, чѣмъ заслуги Оямы, Куроки, Ноги, Того, Камимуры и т. д. Развѣ это неправда, развѣ безъ этихъ изобрѣтеній при современной тех-

Офицеры и команда крейсера 1-го ранга „Оле́г“ съ командиромъ капитаномъ 1-го ранга Л. Ф. Добротворскимъ во главѣ.

никѣ возможно было бы достигнуть тѣхъ блестящихъ успѣховъ, которыми ознаменовалась вся эта кампанія для японцевъ?

Гдѣ же наши изобрѣтенія? Гдѣ тѣ главы и страницы, которыя бы у насъ въ Россіи посвящались какимъ-либо изобрѣтателямъ? Но они у насъ несомнѣнно есть, да только официальные-то учрежденія ихъ не только не поощряютъ деньгами и совѣтами, а по возможности не подпускаютъ даже къ порогу, чтобы не доставлять себѣ лишнихъ хлопотъ. Послѣ того насколько не удивительно, что японцы, а не мы, догадались объ новыхъ снарядахъ, что они, а не мы примѣнили у себя скоро-заряжающіяся башни Викарса, оптическіе прицѣлы, дальномѣры для каждой пушки, приборы Ришара или Валесси для равномернаго хода въ машинахъ, новую окраску судовъ, благодаря которой очень трудно брать до нихъ разстоянія; новыя мины, ходящія 20 кабельтовыхъ; ручныя гранаты и т. п. Они же первые открыли намъ глаза, что эскадрой слѣдуетъ маневрировать не 10—11 узловъ, а 16—17, чтобы этимъ способомъ створить чужія суда и бить всѣмъ флотомъ по головному.

Что же мы то сдѣлали? Послали разновременно отряды. Не имѣя достаточно снарядовъ и угля, не упражнялись ни въ стрѣльбѣ, ни въ эволюціяхъ; не имѣя собственныхъ станцій, заказали суда съ малымъ водоизмѣщеніемъ и ничтожнымъ запасомъ угля, почему грузили его въ офицерскія и командныя помѣщенія; не попробовали примѣнить нефть, чтобы тѣмъ увеличить раіонъ плаванія и уменьшить число кочегаровъ, не попробовали въ мирное время пройти безъ портовъ, а сдѣлали это въ военное; не имѣя станцій, шли 7 мѣсяцевъ, разработали свои машины, обросли въ подводныхъ частяхъ, измучили команды и вступили въ сраженіе, ни о чемъ не сговорившись, совмѣстно съ транспортами. Относительно самой войны тоже слѣдуетъ сказать, что ей никакъ нельзя было быть, если бы не разбрасывали флотъ, держали бы его во Владивостокѣ, а не въ Портъ-Артурѣ и не отсылали бы „Сысой Великій“, „Наваринъ“, „А. Нахимовъ“ и „Дмитрій Донской“. Повели войну тоже не съ того конца, съ котораго ей слѣдовало идти. Надо первымъ долгомъ было думать о флотѣ, а не объ учебныхъ отрядахъ, о Манчжурской дорогѣ, о солдатахъ. Самыя же тактика и стратегія генеральнаго штаба учили насъ, что океанъ земли поглотили армію Бонапарта, какъ Скифскія пустыни Дарія Гистаспа, а между тѣмъ мы въ отраженіи японцевъ поступили совершенно обратно.

Гдѣ-же главныя причины всѣхъ этихъ недостатковъ въ великомъ дѣлѣ защиты своей страны? Никто-же нарочно не станетъ губить Россію и себя.

На верхней палубе „Олега“ до боя 14-го Мая 1905 г.

По моему мнѣнію причины тому самыя простыя, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень важныя для всякаго дѣла. У насъ въ Россіи уже исторически такъ сложилось, что для любыхъ должностей не требуется никакихъ повѣрочныхъ знаній, никакихъ программъ, лекцій, трудовъ, гласныхъ записокъ, а потому мы всѣ, ничѣмъ этимъ не страшаемые, учимся только кой-чему въ молодости, а потомъ слегка почитываемъ, да въ винтъ поигрываемъ, а этого конечно очень мало для мыслей, а еще меньше для отвѣтственныхъ должностей.

Вторая не менѣе гибельная причина та, что центръ тяжести управленія войсками и флотомъ лежитъ не на тѣхъ лицахъ, которыя связаны съ ихъ судьбою, карьерой и жизнью, а совершенно, наоборотъ, ничѣмъ съ ними, кромѣ личныхъ воспоминаній не связанныхъ, ничѣмъ не рискующими, да еще полагающими, что мѣсто въ администраціи есть заслуженный отдыхъ, чтобы часа 2—3 работать, а остальное время отдыхать.

При такихъ условіяхъ конечно никакое дѣло не пойдетъ.

СТАРШАГО ОФИЦЕРА
КРЕЙСЕРА 1-го РАНГА

„ОЛЕГЪ“

Командиру крейсера 1-го
ранга „Олегъ“

11 Июня 1905 года.

№ 14.

г. Манила.

Рапортъ.

14 (27) Мая 1905 года утромъ подходили къ Корейскому проливу (по восточную сторону о-ва Тсусима). Около 9 ч. утра съ лѣвой стороны показались пять дымковъ. Въ 9 ч. 50 м. въ туманѣ стали обрисовываться корпуса пяти японскихъ судовъ. У насъ пробили тревогу и команда, переодѣтая съ утра во все бѣлье чистое, весело разбѣжалась по своимъ мѣстамъ. Японцы сблизившись до 48 кабельтовъ, въ 10 ч. 10 м. повернувъ направо, стали отадляться и быстро скрылись въ туманѣ. Сколько можно было судить, двое изъ этихъ судовъ шло контръ-курсомъ, а трое на пересѣчку. Съ правой стороны нашей эскадры показался и все время держался въ 40 кабельтахъ, идя параллельнымъ съ нами курсомъ, большой японскій крейсеръ.

Въ 11 ч. съ лѣвой стороны снова появился отрядъ, но уже 4-хъ легкихъ японскихъ крейсеровъ: два двухтрубныхъ и два трехтрубныхъ (повидимому Шитоза, Казаги, Нитака и Тсушима) подъ начальствомъ адмирала. Отрядъ шелъ сходящимся съ нами курсомъ. Разстояніе уменьшалось. Въ 11 ч. 15 минутъ раздался первый выстрѣлъ съ броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“ и вся лѣвая колонна, въ томъ числѣ и мы, открыли по непріятелю огонь. Наша эскадра находилась въ походномъ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорта между колоннами. Наша носовая башня и лѣвый носовой казематъ начали пристрѣлку: артиллерійскій квартирм. 1 ст. Иванъ Кирикъ (сл. 1901 г.) изъ башни положилъ снарядъ въ корму концевого непріятельскаго крейсера, послѣ чего японцы стали отдѣляться (разстояніе было 27—38 каб.).

Старшій комендоръ Иванъ Самойловъ (ср. сл. 1895 г. запасн.) изъ лѣваго носового каземата положилъ снарядъ въ

корму третьяго японскаго крейсера, на немъ виденъ былъ пожаръ. Непріятель повернулъ на 8 R влѣво и удалился. Сигналы японцы поднимали съ этого крейсера.

Мѣсто боя: $y = 34^{\circ} 2' N$ и $Z = 129^{\circ} 41', 7'$ о-ва. Лишь раздался нашъ первый выстрѣлъ, какъ судовой священникъ Іеромонахъ О. Порфирій со св. водою и крестомъ въ рукахъ обошелъ весь крейсеръ и, окропляя св. водою, благословилъ команду передъ боемъ.

Въ 11 ч. 20 м. пробили „дробь“ и, пользуясь отсутствіемъ непріятеля, дали командѣ обѣдать.

Около половины перваго, слѣва по носу, начали обрисовываться по горизонту суда японской броненосной эскадры. Наши броненосцы перестроились и вскорѣ между ними и непріятелемъ завязался бой. Нашъ крейсерскій отрядъ былъ по правую сторону броненосцевъ.

Послѣ 2 часовъ на правую раковину отъ насъ появился отрядъ японскихъ крейсеровъ, имѣвшихъ, повидимому, намѣреніе обойти насъ съ правой стороны. Японцы насъ нагоняли. Мы повернули въ лѣвую сторону на противоположный курсъ и пошли имъ на встрѣчу.

Около $2\frac{1}{2}$ часовъ мы открыли огонь лѣвымъ бортомъ; японцы отвѣчали. Черезъ нѣсколько минутъ съ обѣихъ сторонъ бой разгорѣлся и японскіе снаряды то и дѣло шлепались у борта или со свистомъ и жужжаніемъ, кувыряясь въ воздухѣ, перелетали черезъ насъ. Всѣ снаряды падая въ воду разрывались, поднимая громадныя столбы воды и облака чернаго дыма.

Около 3-хъ часовъ, когда я стоялъ въ офицерскомъ отдѣленіи жилой палубы, раздался рѣзкій трескъ. Мелькнулъ какой-то проблескъ и распространился дымъ съ лѣвой стороны машиннаго отдѣленія. Кто-то вскрикнулъ: „Пробоина и пожаръ въ канцеляріи!“ и все устремилось къ этому мѣсту. Бросились открывать дверь но она не поддавалась, вслѣдствіе погнутія переборки. Тогда схватили ломы и топоры и оторвавъ желѣзную обшивку, проникли въ канцелярію. Полная картина разрушенія открывалась нашимъ глазамъ. Мебель, бумага и проч. предметы—все это представляло изъ себя груды мусора, окутан-

наго клубами чернаго удушливаго дыма. Расчистивъ доступъ къ пробоинѣ, люди трюмно-пожарнаго дивизіона, во главѣ съ трюмн. механикомъ поручикомъ Мельницкимъ, лейтенантомъ Политовскимъ и корабельнымъ инженеромъ Лохвицкимъ бросились къ образовавшемуся отверстию въ борту и подавая нижнимъ чинамъ примѣръ самоотверженія, быстро задѣлали его матрасомъ и паклей съ парусиной.

Какъ оказалось, разорвавшійся снарядъ пробилъ бортъ немного выше дѣйствующей W. Z., вслѣдствіе-же большого хода и волненія, вода потокомъ устремила въ канцелярію и по жилой палубѣ; черезъ трещины пробоины вода проникла и подъ жилую палубу, въ отдѣленіе парусинныхъ вещей и наполняла его почти до верху.

По задѣлкѣ пробоины воду откачивали брансбойтами, такъ какъ другихъ водоотливныхъ средствъ изъ этого отдѣленія не было. Откачиваніе воды при участіи прапорщика запаса флота Соколова продолжалось затѣмъ всю ночь и до утра.

Вслѣдъ за пробоиной въ канцеляріи, непріятельскій снарядъ большого калибра пронизалъ оба борта кормовой каюты г.г. прапорщиковъ, пролетѣвъ насквозь не разорвавшись между 128—129 шпангоутами. Обѣ пробоины получились выше W. Z. и вода въ нихъ не попадала, только при пролетѣ снаряда была разбита мебель и попорчено платье г.г. прапорщиковъ. Пробоины тотчасъ-же, были задѣланы койками подпертыми досками.

Немного спустя, опять раздался характерный лязгъ и трескъ въ правомъ борту. Непріятельскій снарядъ большого калибра ударилъ и разорвавшись пробилъ бортъ въ правой банѣ почти на высотѣ дѣйствующей W. Z. (у шпангоута 94). Пробоина получилась выше и ниже жилой палубы. Громадный кусокъ стальной обшивки наружнаго борта былъ отогнутъ внутрь. Вода хлынула въ баню и въ тросовое помѣщеніе (подъ банею). Дружнымъ-же содѣйствіемъ упомянутыхъ выше офицеровъ и нижнихъ чиновъ—эта пробоина также быстро была задѣлана, какъ и въ канцеляріи. Воду-же изъ тросоваго отдѣленія, по той-же причинѣ что и изъ паруснаго, откачивали всю ночь брансбойтами.

Не прошло 10—15 минутъ, какъ раздался знакомый уже

трескъ въ лѣвой офицерской ванной (временное помѣщеніе мичмана Домерщикова). Небольшой снарядъ или осколокъ снаряда разорвавшагося за бортомъ, пронизавъ бортъ и дверь, застрѣлъ въ коечной защитѣ мотора электрическаго шпиля. Дыра въ борту получилась между 122—123 шпангоутами. Осколками было совершенно испорчено все платье мичмана Домерщикова.

Почти одновременно съ этою пробойною, осколками былъ пробить лѣвый бортъ на высотѣ иллюминатора, у 125 шпангоута. Во многихъ мѣстахъ, кабинетъ и зало командира (при чемъ испорчена мебель и много вещей); бортъ у иллюминатора 118-го шпангоута. Нѣсколько осколковъ попало въ каютъ-компанію, между иллюминаторомъ и палубой. Всѣ значительныя отверстія были задѣланы деревянными на парусинѣ пробками.

Когда осколки посыпались въ каютъ-компанію, младшій врачъ фонъ-Денъ съ фельдшеромъ Кожевниковымъ и санитарями Жестковымъ и Томиловымъ дѣлали здѣсь перевязку раненымъ. По счастью осколки никого не задѣли, хотя въ это время въ каютъ-компанію лежало уже много раненыхъ. Весь врачебный персоналъ показалъ при этомъ удивительное мужество и спокойствіе, продолжая свое дѣло какъ будто-бы ничего не приключилось.

Въ то-же время непріятельскій снарядъ, разорвавшись у гротъ-мачты на высотѣ верхняго задняго мостика, пробилъ мачту, снесъ вентиляторъ, разбилъ вахтенную рубку и, обдавъ осколками все это мѣсто и часового у флага, квартирмейстера Захватава, ранилъ его небольшимъ осколкомъ (величиною съ горошину) въ лѣвый високъ. Захватовъ, не смотря на пораненіе, остался несмѣнно на своемъ посту до поздней ночи.

Тѣми же осколками было перебито много снастей: кормовой флагъ снесло по вѣтру, на вантины; но квартирмейстеръ Захватовъ, съ помощью комендора Губанова, тотчасъ-же поднялъ другой флагъ на уцѣлѣвшихъ фалахъ, замѣнивъ перебитый другимъ, приготовленнымъ заранѣе.

Однимъ изъ осколковъ того-же снаряда, а можетъ быть и другого, разорвавшагося въ воздухѣ, былъ взорванъ нашъ 6" сегментный снарядъ въ лѣвомъ кранцѣ у офицерскаго камбуза

(орудіе № 12). Облако дыма и пламени поднялось на этомъ мѣстѣ и быстро разсѣялось. Отъ взрыва снаряда, давленіемъ газовъ дно кранца сильно прогнуто книзу и стоявшіе въ кранцѣ снаряды попадали на палубу, двѣ гильзы помяты, крышки ихъ (облегченныя) повыскакивали и полили порохъ. Койки поставленныя для защиты кранца, пакля и ветошь, приготовленныя для обтирки снарядовъ—загорѣлись.

Поднощикъ матросъ 1 статьи Воронинъ, стоявшій спиною къ кранцу съ гильзою въ рукахъ, повалился на палубу, выбросивъ гильзу.

Осколкомъ нашего снаряда его смертельно ранило въ спину. Падая на палубу онъ тихо застоналъ и истекая кровью скоро скончался въ каютѣ-компаніи, куда его доставили для перевязки.

Дно разорвавшагося снаряда (съ донною трубкой) покатилося къ ногамъ перваго комендора Кострыкина, который нисколько не теряясь, схватилъ его руками и выбросилъ за бортъ. Въ то-же время остальная прислуга лихо и быстро справлялась съ причиненнымъ ей разрушеніемъ: пока поднощики оттаскивали въ сторону и заливали койки, второй комендоръ Олениченко быстро сбросилъ съ поврежденныхъ гильзъ горящую ветошь и паклю и заливъ ихъ водою предотвратилъ воспламенение пороха въ гильзахъ. Имъ-же были выброшены за бортъ и повалившіеся на палубу снаряды, которые уже представляли изъ себя опасность, благодаря тому, что ихъ донныя трубы отъ взрыва и удара должны были перемѣститься *).

Черезъ какія-нибудь 2—3 минуты орудіе № 12 снова было заряжено и готово къ стрѣльбѣ. Прибѣжавшій въ это время къ орудію мичманъ Домерщиковъ (младшій артиллерійскій офицеръ) самъ навелъ орудіе и выпалилъ. Хорошо направленный снарядъ угодилъ въ японскій однотрубный крейсеръ и на немъ показался дымъ.

*) *Примѣчаніе.* Вслѣдствіе почти непрерывной нагрузки угля за время перехода отъ о-ва Мадагаскара, а также большого его запаса въ жилой палубѣ, въ бомбовые и патронные погреба проникло много угольной пыли, которая покрыла собою снаряды, почему передъ боемъ по всѣмъ орудіямъ была разнесена ветошь и пакля для обтиранія этихъ послѣднихъ.

Одновременно почти со взрывомъ снарядовъ у гротъ-мачты и у орудія № 12, большой японскій снарядъ падая въ воду разрывается близъ борта (противъ лѣваго трапа) и поднимая громадный столбъ воды, обдаётъ совершенно шканцы, задній верхній мостикъ и полують. Много воды попало и въ кормовую башню. Вѣроятно это и былъ тотъ снарядъ, который произвелъ вжатіе въ лѣвомъ борту, ниже пробоины въ канцеляріи, что было обнаружено на другой день послѣ боя.

Другой большой снарядъ, кувыркаясь въ воздухѣ, пролетѣлъ низко надъ кормовой башней и, упавъ на правой сторонѣ въ воду, не разорвался. Множество японскихъ перелетовъ свистало въ воздухѣ.

Въ это время мы подходили къ островку Ка-Тсусима, отсюда показался однотрубный, одномачтовый непріятельскій крейсеръ, въ разстояніи 50 кабельтовыхъ. Японскіе бронированные крейсера и броненосцы открыли по насъ съ правой стороны огонь.

Мы уже ведемъ бой обоими бортами (лѣвымъ съ крейсерами, правымъ съ бронированными крейсерами и броненосцами. Японскіе снаряды ложатся все ближе и ближе. Одинъ изъ нихъ, съ лѣвой стороны, разорвавшись гдѣ-то надъ палубой, обдаётъ осколками прислугу 6 дюймоваго орудія № 11 (правая сторона, противъ офицерскаго камбуза) и производитъ малый пожаръ (пакля и ветошь). Командиръ сосѣдняго плутонга (III-го) мичманъ Солдатенковъ съ помощью квартирмейстера Приходько, увидавъ дымъ (отъ взрыва снаряда) и горящіе предметы, схватили пипки пожарныхъ шланговъ и быстро залили огонь.—Отъ осколковъ того-же снаряда сильно пострадала прислуга пушки № 11. Первый комендоръ ея (старшій комендоръ) Барышниковъ раненъ смертельно, ему перешибло обѣ ноги. Второй комендоръ тяжело раненъ въ пахъ, но онъ не сразу уходитъ на перевязку. Поднощикъ матросъ 1 ст. Зуйкинъ—тяжело раненъ въ руку и осколками въ ногу.

Оставшаяся прислуга несмотря на убыль продолжала свое дѣло. Зарядили орудіе и стали наводить. Увидѣвъ, что они остались безъ комендоровъ, я назначилъ имъ комендора Хворова отъ сосѣдней не стрѣлявшей въ этотъ моментъ пушки (75 мм.).

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ снарядъ заклинился въ орудіи № 11 и не доходилъ до мѣста. Произошло это вслѣдствіе выпаденія пластинки пороха (большинство облегченных крышекъ гильзъ отваливалось), которая попала между внутренней поверхностью орудія и снарядомъ. Подъ руководствомъ и при личномъ участіи мичмана Домерщикова съ помощію артиллерійскаго кондуктора Басанина и старшаго комендора Самойлова, подъ выстрѣлами японцевъ, тотчасъ-же стали исправлять орудіе. Сначала отвинтивши донную трубку снаряда, пробовали его выбить вставленнымъ изъ за борта прибойникомъ, но когда это не удалось, рѣшили укоротить гильзу, чтобы имѣть возможность закрыть замокъ. Пиленіе мѣдной гильзы ножовкою показалось долгимъ, тогда, схвативъ пожарный топоръ, мичманъ Домерщиковъ живо обрубилъ гильзу и, выбросивъ лишній порохъ за бортъ и вставивъ укороченную гильзу, произвелъ выстрѣлъ и тѣмъ ввелъ орудіе № 11 опять въ дѣйствіе. Вся эта работа продолжалась какихъ-нибудь 5—6 минутъ. Комендоръ Четковъ (отъ 47 мм. пушки) принималъ также самое дѣятельное участіе въ этой работѣ, послѣ которой самъ вызвался остаться у 6 дюмоваго орудія вмѣсто комендора Хворова, такъ какъ его пушка за дальностью до непріятеля совсѣмъ не стрѣляла.

Незадолго до того, тотъ-же комендоръ Четковъ, проходя по правому шкафуту, выбросилъ за бортъ непріятельскій снарядъ (75 мм. или 120 мм. калибра), который упавъ на излетѣ на палубу, вертѣлся на данной своей части не взорвавшись.

Между непріятельскими судами различались броненосные крейсера „Ниссинъ“ и „Касуга“. Перваго впослѣдствіи видѣли безъ передней трубы и съ пожаромъ на мостикѣ.

Затѣмъ слѣдуютъ вскорости одна за другой пробоины приблизительно въ такомъ порядкѣ:

Снарядъ 6 или 8" калибра попадаетъ справа въ легкій бортъ крытаго полубака (подъ нижній передній мостикъ) и взрываясь производитъ пожаръ у 75 мм. орудія № 21. Въ этомъ тѣсномъ мѣстѣ находились кранцы съ 47 мм. бесѣдки съ 75 мм. патронами и ящикъ съ англійскими (динамитными) сигнальными ракетами.

Когда попалъ сюда снарядъ и раздался сильный трескъ, клубы черного удушливаго дыма и пламени охватили все это помѣщеніе. Сигнальныя ракеты и нѣкоторые патроны съ грохотомъ начали лопаться. Осколки непріятельскаго снаряда разлетѣлись во всѣ стороны, разрушая и пронизывая все на своемъ пути. Палубу нижняго мостика (надъ мѣстомъ взрыва) дѣйствіемъ газовъ выпучило и приподняло кверху—дюйма на три, находящееся тутъ 75 mm. орудіе № 29, которое потомъ уже не могло дѣйствовать, хотя палуба и осѣла.

75 mm. патроны, находившіеся въ бесѣдкахъ, съ перебитыми осколками гильзами вываливаются на палубу, порохъ изъ нихъ загорается. Дѣйствіемъ газовъ ближайшая къ элеватору бесѣдка съ горящими патронами сбрасывается съ рельса и падая обратно въ погребъ производитъ тамъ пожаръ.

Передъ самымъ взрывомъ былъ данъ сигналъ „правому борту разсыпаться“ и прислуга скорострѣльныхъ пушекъ, бывшая до того за прикрытіемъ казематовъ, бросилась по своимъ мѣстамъ. Комендоръ 21 пушки Аксеновъ первый прибѣжалъ и наведя успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ. Прислуга его (матросы Паршинъ Волковъ и Максимовъ) бѣгомъ поднимались по трапу. Прислуга-же сосѣдней 47 mm. пушки (матросы Крючекъ и Кустовскій) не уходили за прикрытія, а оставались здѣсь по-смотрѣть за ходомъ сраженія. Тоже и матросъ Вдовинъ (комутаторный) который было присѣлъ у своихъ патроновъ отдохнуть. Заряжая свое орудіе комендоръ Аксеновъ попросилъ Крючка ему помочь, что тотъ и сдѣлалъ охотно, но какъ только Аксеновъ сталъ наводить, какъ тутъ и приключился этотъ самый взрывъ. Огнемъ и газами опалило лицо и руки Аксенову, отбросивъ его отъ пушки. Весь въ огнѣ (горѣла одежда) Аксеновъ бѣжитъ на шкафутъ, гдѣ его кто-то обдастъ водою изъ шланга и онъ теряетъ сознаніе. Какъ попалъ на перевязку не помнитъ. Докторъ же говоритъ, что Аксеновъ самъ прибѣжалъ въ каютъ-компанію. Видъ его обожженаго лица, головы и рукъ былъ ужасенъ. Кромѣ ожоговъ онъ получилъ много пораненій осколками почти по всему тѣлу. Матроса Крючка тоже сильно обожгло и тяжело ранивъ въ руку и многими осколками по тѣлу, отбросило въ сторону.

Вдовина и Кузовского убило на мѣстѣ. Вдовинъ былъ обезображенъ: голова разможжена и оторвана, руки и ноги тоже. Паршина отбросило въ сторону и ударило въ плечо, Максимова съ трапа сбросило на шкафутъ и осколкомъ ранило въ ступню.

Волковъ остался невредимымъ.

Здѣсь же тяжело ранило поднощика орудій № 29 (нижній мостикъ, подъ мѣстомъ взрыва) матроса Кириенко, который спустился сюда за патронами и, взявъ одинъ изъ нихъ, не успѣлъ отойти, какъ приключился этотъ взрывъ. Кириенко тяжело ранило въ голову и ногу (впослѣдствіе отняли) и отбросило въ сторону. Падая онъ выронилъ патронъ, который покатился и взорвался.

Пожаръ въ 75 мм. переднемъ носовомъ погребѣ былъ скоро загашенъ прислугою того-же погреба матросомъ Ниловымъ (хозяинъ погреба) матросомъ Селигеемъ и кочегарами Малюга и Шварцъ (подручные). Всѣ они находились въ погребѣ, когда туда посыпались патроны съ горящимъ порохомъ, который продолжая горѣть, разсыпался по палубѣ (погреба). Увидѣвъ падающіе патроны и плямя, упомянутые люди нисколько не растерялись, а выскочивъ въ жилую палубу схватили пожарные шланги и залили огонь черезъ люкъ ручной подачи. Лихо справившись съ пожаромъ, они молодцами спускаются въ погребъ и снова продолжаютъ подачу патроновъ.

При взрывѣ у 21 пушки пламяхватило и на противоположный бортъ (къ пушкѣ № 22) гдѣ загорѣлись койки. Прислуга этой пушки заливъ сперва горящія у себя койки, бросилась, во главѣ съ комендоромъ Филипповымъ и матросомъ Олешковымъ къ пушкѣ № 21 и начала гасить тамъ пожаръ. Особенно при этомъ отличился комендоръ Филипповъ, который замѣтивъ, что прокладка въ ящикѣ 47 мм. патроновъ горитъ и патроны съ минуты на минуту грозятъ взрывомъ, направилъ струю воды первымъ долгомъ въ этотъ ящикъ и залилъ его. Матросъ Олешковъ не отставалъ отъ Филиппова. Оба дѣйствовали молодцами.

Покончивъ съ пожаромъ комендоръ Филипповъ со всею прислугою по собственному побужденію перешли къ пушкѣ Аксенова (№ 21) гдѣ и оставались уже до конца боя.

У элеватора, около трупов Вдовина и Кустовскаго, еще оставались койки, которые тлѣли и давая много искръ сильно дымились. Чтобы не отвлекать людей отъ орудій, я убралъ самъ койки съ помощію мичмана барона Буксгевдена подальше отъ элеватора на лѣвую сторону, на полубакъ, гдѣ мы и залили ихъ изъ шланговъ.

Немного ранѣ этого взрыва большой снарядъ попалъ въ правый полубакъ немного выше праваго якоря. Снарядъ разорвался сдѣлавъ большую пробоину и небольшой пожаръ подъ полубакомъ (запасныя весла и комендорскія дровки), который быстро былъ загашенъ трюмнымъ квартирмейстеромъ Дунаевскимъ, комендоромъ Красовскимъ и другими.

Одинъ изъ снарядовъ (6 или 8" калибра) попадаетъ въ коечныя сѣтки праваго борта (шкафутъ у пулемета). Разорвавшись въ сѣткахъ онъ разворачиваетъ бортъ и выбрасываетъ горящія койки на ростры, лѣвый шкафутъ и даже за бортъ (по лѣвую сторону). Горящія койки на рострахъ тотчасъ-же заливаются квартирмейстеромъ Ереминымъ и матросомъ Подкопаевымъ.

Осколками снаряда смертельно раненъ квартирмейстеръ Приходько. Прислуга ближайшей шкафутной 6 дюймовой пушки (№ 7) уцѣлѣла только благодаря траверзу, устроенному изъ коекъ. Множество осколковъ застряло въ этихъ койкахъ. Прислугу же только разбросало газами во всѣ стороны, но пораненія они получили легкія. Въ числѣ другихъ здѣсь былъ раненъ въ первый разъ поднощикъ матросъ Зуевъ, который послѣ перевязки вторично былъ раненъ въ правомъ галіюнѣ и затѣмъ въ третій разъ окончательно добить въ правомъ лазаретѣ.

Еще одинъ снарядъ пролетѣлъ между 2 и 3 трубою, попалъ въ корзинки, не взорвался, а только сбросилъ одну изъ нихъ за лѣвый бортъ и 2 на лѣвый шкафутъ.

Не за долго до взрыва снаряда въ шкафутныхъ коечныхъ сѣткахъ, снарядъ большого калибра попадаетъ въ первое котельное отдѣленіе жилой палубы и разрываясь на множество осколковъ, дѣлаетъ громадную пробоину въ борту, футъ 36—40 въ квадратъ. Осколками изъ за борта онъ ранитъ комендора

Трофима Пончука (75 mm. орудіе № 5) въ грудь и руку и тяжело въ животъ поднощика матроса Еремѣва. Пончукъ почувствовалъ сильную боль въ груди и сердцѣ, побѣжалъ на шкафутъ къ шлангу окатиться, но тамъ уже лежалъ умирающій квартирмейстеръ Приходько, держа пипку обѣими руками такъ крѣпко, что Пончукъ ее вырвать не могъ. Тогда онъ перебѣжалъ на лѣвую сторону, гдѣ кто-то его окатилъ изъ шланга, отчего ему стало легче и онъ снова возвратился на свое мѣсто. Прислуги этой пушки тогда не оставалось уже никого: Еремѣвъ лежалъ въ каютѣ-компаніи, Волошукъ-же и Великановъ были ранены между носовыми казематами, куда они побѣжали за патронами. На помощь Пончуку пришелъ матросъ Кармановъ, который и оставался съ нимъ у пушки до утра.

Отъ выстрѣловъ нашей сосѣдней 6" пушки его такъ сильно оглушило, что потомъ ему приходилось кричать на ухо, если нужно было что-нибудь сказать.

Получившаяся въ борту пробоина была задѣлана трюмнопожарнымъ дивизиономъ, при самомъ живомъ участіи тѣхъ-же офицеровъ, что и пробоины въ кормовой части. Большой размѣръ пробоины и большіе рваные листы обшивки съ отогнутыми внутрь краями, сильно затрудняли работу. Волны вкатывались въ палубу отбрасывая людей. Только послѣ долгихъ и упорныхъ усилій удалось наконецъ укрѣпить люки и столы на разрушенной части борта и обложить ихъ матрасами и чемоданами; течь уменьшилась, но не совершенно, вода все таки проникала и наполнила одну изъ угольныхъ ямъ. Воду откачивали брансбойтами всю ночь. Осколками этого снаряда въ жилой палубѣ избито множество трубъ и проводовъ. Ранены квартирмейстеръ Пристяжнюкъ и боцманъ Колесниковъ. Квартирмейстеръ Пристяжнюкъ раненый въ спину осколкомъ ни за что не хотѣлъ идти на перевязку. Страдая отъ боли онъ работалъ и помогалъ за дѣлывать пробоины со свойственнымъ ему самоотверженіемъ. Только на другой день я его самъ почти насильно отвелъ къ доктору, который вынулъ осколокъ изъ области близкой спинному хребту.

Опять снарядъ большого калибра попадаетъ у 47 mm.

пушки подъ полубакомъ и дѣлаеть громадную пробоину. Правый командный умывальникъ разбитъ и отброшенъ на лѣвую сторону. Осколки пробиваютъ бортъ и амбразуру у иллюминатора въ жилой палубѣ между 16—17 шпангоутами.

Слѣдующій снарядъ попадаетъ въ правую аптеку. Осколки его ранять нѣсколько человѣкъ въ правомъ носовомъ казематѣ и убиваютъ наповаль комендора Колобкова. Въ аптекѣ вся мебель разбита, дверь ея распахнулась, осколки полетѣли, но никого не задѣли. Помѣщеніе наполнилось удушливыми газами. Фельдфебель Бордыленокъ, который стоялъ у двери аптеки, былъ только отброшенъ въ сторону, но не раненъ.

Вскорѣ въ тотъ-же правый бортъ попадаетъ снарядъ (6—8") немного впереди праваго каземата. Снарядъ пробиваетъ бортъ и разрывается въ галюнѣ. Множество осколковъ проникаютъ переборки и висящіе въ бесѣдкахъ патроны. Часть осколковъ попадаетъ въ носовой казематъ, выводитъ изъ строя большинство прислуги шести-дюймоваго орудія и ранитъ въ шею лейтенанта Шуберта, который остается въ строю до конца боя несмотря на рану. Между казематами дѣлается пожаръ и всѣхъ стоявшихъ здѣсь людей охватываетъ пламенемъ и горячими газами. Бывшій въ галюнѣ матросъ Зуевъ, раненый уже у орудія № 7 (правый шкафутъ) и перевязанный — снова раненъ. Одежда его горитъ. Квартирмейстеръ Тригаловъ залилъ на немъ огонь, послѣ чего Зуевъ самъ спустился къ лазарету. Матросу Іосифу Волощуку, который подходилъ къ бесѣдкѣ 75 mm. патроновъ, оторвало одну ногу и перебило другую. Волощукъ ползъ и просилъ помощи. На рукахъ снесли его въ лазаретъ, гдѣ онъ послѣ перевязки и скончался. Гильзы 75 mm. патроновъ, находившихся въ бесѣдкахъ, перебиты и порохъ изъ нихъ тихо горѣлъ. Все было охвачено пламенемъ. Нѣсколько разбитыхъ гильзъ, (вѣроятно и часть цѣлыхъ) упали по элеватору въ погребъ. Въ это время подъемная (для бесѣдокъ) рама была въ нижнемъ положеніи, а противовѣсъ на верху. Патроны, падая, застряли въ элеваторной шахтѣ и начали горѣть. Одинъ изъ нихъ вѣроятно взорвался, такъ какъ въ боевомъ посту былъ слышенъ сильный трескъ и дымъ съ пламенемъ проникъ въ

постъ черезъ 9 выскочившихъ заклопокъ. Освѣщеніе въ посту все погасло и помѣщеніе наполнилось дымомъ. Бывшій тамъ ревизоръ лейтенантъ Афанасьевъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, поднялся съ людьми на верхъ, оставивъ въ посту рулевого Свирида и ординарца матроса Зуева.

Считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе на самоотверженіе этихъ двухъ нижнихъ чиновъ, оставшихся внизу: не мало требовалось присутствія духа, чтобы, не смотря на полную темноту и дымъ въ посту, а также пожаръ въ сосѣднемъ патронномъ погребѣ, оставаясь вѣрными своему долгу, не покинуть первый—штурвала, а второй—казенныхъ денегъ и документовъ, убранныхъ сюда на время боя.

Выскочившій изъ поста въ жилую палубу старшій гальванеръ Курбатовъ съ помощію фельдфебеля Бордыленка и рулевого боцманмата Магдалинскаго сталъ лить черезъ люкъ ручной подачи въ 75 мм. погребъ воду, но поднявшійся оттуда матросъ Ниловъ остановилъ воду, сказавъ, что пламя въ элеваторной шахтѣ и, чтобъ Курбатовъ посмотрѣлъ поскорѣе нельзя ли залить его съ верхней палубы. Курбатовъ исполняетъ это съ квартирмейстеромъ Тригаловымъ и матросомъ Новожиловымъ, и направляетъ воду съ верхней палубы въ элеваторную шахту, откуда дымъ и пламя валили уже клубами, но благодаря расторопности упомянутыхъ лицъ, огонь быстро заливается, чѣмъ крейсеръ вторично спасается отъ опасности.

Прапорщикъ запаса Добрынинъ стоя у люка ручной подачи надъ погребомъ съ полнымъ самоотверженіемъ, спокойно и отлично руководилъ заливаніемъ пожаровъ оба раза.

Еще снарядъ, перелетая черезъ крейсеръ, попадаетъ въ первую трубу и разрываясь обдаётъ сверху осколками 2-й гребной катеръ, причѣмъ разбиваетъ его совершенно, а также портитъ много коекъ.

Мѣшки подъ катеромъ, которые передъ боемъ были обильно смочены, загорѣлись, но огонь быстро былъ залитъ. Тѣми же осколками смертельно ранило квартирмейстера Антипова, который, находясь на продольномъ мостикѣ, передавалъ разстояніе.

Другой снарядъ перелетая значительно выше черезъ крей-

серъ, разорвался у форъ-брамъ-стѣнки и легко ее повредилъ. Осколки посыпались на мостикъ надъ ходовой рубкой, гдѣ стоялъ мичманъ баронъ Буксгевденъ съ дальномѣрными для опредѣленія разстояній и перебили поручень. Маленькій осколокъ застрѣлъ въ фуражкѣ мичмана барона Буксгевдена, который, не смотря на свистъ перелетовъ и взрывы, оставался на своемъ посту все время, пока не убрали дальномѣръ „Баръ и Струда“ къ боевой рубкѣ.

Спустя немного, снарядъ попадаетъ въ правый лазаретъ (на высотѣ жилой палубы), гдѣ разрывается и дѣлаетъ большую пробоину.

Множество осколковъ разныхъ величинъ разлетается во всѣ стороны; часть ихъ пронизываетъ лазаретную переборку и ранитъ нѣсколько человѣкъ находившихся у люка для спуска раненныхъ въ перевязочный пунктъ.

Лежавшіе въ правомъ лазаретѣ раненные матросы Зуевъ и Гайдамаровъ убиты. Ихъ съ койками подбросило къ потолку, а затѣмъ сбросило на палубу. Все рѣшительно въ лазаретѣ было перевернуто и исковеркано. Освѣщеніе погасло. Лазаретъ наполнился дымомъ и характернымъ удушливымъ газомъ. Пробоина въ лазаретѣ была задѣлана тѣмъ-же способомъ что и предыдущія. Воду-же, которая еще проникала черезъ щели пробоины не выкачивали, потому что она вливалась и выливалась за бортъ въ зависимости отъ качки.

Покончивъ съ пробоинами, я остановился у люка перевязочнаго пункта и услышалъ какъ старшій врачъ Аннинъ спокойнымъ голосомъ просилъ оттуда послать кого-нибудь за мною. Я откликнулся, тогда докторъ вполголоса сообщилъ мнѣ, что черезъ вентиляторную трубку въ перевязочный пунктъ лить вода. Взглянувъ туда я увидѣлъ, что воды прибыло уже около фута, но докторъ съ фельдшеромъ Фирсановымъ и санитарями Паво и Клыковскимъ спокойно продолжали свое дѣло около раненныхъ, спасая въ то-же время имущество отъ потопленія. Въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ лебедокъ тоже была вода. Не долго до того все освѣщеніе (это совпало приблизительно съ ударомъ въ правый лазаретъ) какъ электрическое, такъ и ма-

сльное въ носовомъ отсѣкѣ погасло. Фельдфебель Бордыленокъ энергично дѣйствовалъ зажигая масляные фонари, а минеры подъ руководствомъ лейтенанта Политовскаго, возстановляли электрическое освѣщеніе. Когда лейтенантъ Политовскій услышалъ, что въ перевязочный пунктъ льетъ вода, то не дожидаясь приказаній, быстро спустился туда и со старшимъ минеромъ Алтабаевымъ принялся затыкать паклею и другими предметами вентиляторную трубу; переговорныя-же трубы, черезъ которыя тоже поступала вода, онъ обрубилъ и загнулъ угломъ кверху. Въ этой работѣ съ полнымъ самоотверженіемъ принималъ участіе и вольно-наемный поваръ Егоръ Вайнеръ, который былъ назначенъ въ перевязочный пунктъ въ помощь санитарамъ. Когда прибыль воды уменьшилась, приступили къ ея откачиванію брансбойтами и ведрами (что продолжали дѣлать до утра).

Такъ какъ вода туда проникала по вентиляторнымъ трубамъ, которыя проходили черезъ провизіонное (мучное) отдѣленіе, то это показывало, что упомянутыя трубы должны быть повреждены въ этомъ отдѣленіи. Отдраивъ горловину, убѣдились въ справедливости предположенія. Мучное отдѣленіе было въ водѣ и мучныя банки уже плавали. Большая пробоина оказалась въ борту подъ правымъ лазаретомъ и волны вкатывали въ отдѣленіе. Трюмный механикъ поручикъ Мельницкій съ трюмнымъ квартирмейстеромъ Дунаевскимъ и матросомъ-ложникомъ Мальмеромъ быстро спустились въ отдѣленіе и, работая съ опасностью для жизни по поясъ въ водѣ, силились люками, досками, а также мучными мѣшками закрыть пробоину. Но всѣ усилія были бесполезны. Волны вышибали всѣ предметы, а плавающіе мѣшки и банки еще болѣе затрудняли работу. Тогда, отказавшись отъ мысли задѣлать пробоину, изолировали это отдѣленіе, заткнувъ предварительно вентиляціонную и другія трубы, а также вставивъ деревянную пробку въ дыру шахты ручной подачи задняго 75 мм. патроннаго погреба.

Почти въ то же время изъ 6" казематнаго (носового) погреба дали знать, что туда льетъ вода. Прапорщикъ Добрынинъ быстро спустился въ погребъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось,

что вода проникала черезъ вышибленныя заклепки шахты ручной подачи. Тогда вскрыли люкъ сосѣдняго провизіоннаго отдѣленія (тамъ находились жестянки съ масломъ, сахаръ и прочая провизія) и увидали, что оно уже на половину было залито водою черезъ большую пробоину въ борту. Пробоина эта находилась подъ правымъ лазаретомъ и рядомъ съ пробоиной въ мучномъ отдѣленіи. Не смотря на всѣ старанія прапорщика Добрынина и трюмныхъ, пробоину задѣлать не удалось. Волны преодолевали всѣ препятствія, почему заткнувъ деревянными пробками заклепки въ шахтѣ и дыру въ вентиляціонной трубѣ, задраили наглухо люкъ этого отдѣленія.

Спустить попавшую въ погреба и помѣщеніе лебедокъ воду въ междудонное пространство оказалось тоже невозможнымъ: штоки перепускныхъ клапановъ были погнуты или перебиты. Но трюмные и тутъ молодцами справились съ задачею; разобшивъ штоки, особыми ключами открыли клапана и спустили воду. И все это дѣлалось безъ всякихъ побужденій, какъ-то само собою. Весело и пріятно было смотрѣть на работу этихъ людей, которые нисколько не придавали важности тому, что дѣлали.

Они же, подъ руководствомъ своего механика, нѣсколько разъ въ продолженіе боя заполняли разные отсѣки водою и откачивали изъ нихъ воду для выравниванія крена, который получался у насъ отъ воды принятой черезъ полученныя пробоины.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что остатки угля въ жилой палубѣ, служившей все плаваніе угольною ямою, сильно затрудняли работу. Отъ сотрясеній нашихъ выстрѣловъ, а также отъ ударовъ попадавшихъ въ бортъ снарядовъ, въ палубѣ поднималось и стояло густое облако черной пыли, благодаря которому только съ трудомъ можно было различать предметы. Послѣ поливки угля водою пыль не поднималась, но летѣли грязныя брызги. Это было все таки лучше.

Я еще не упомянулъ о маломъ снарядѣ, попавшемъ съ правой стороны на полують. Этотъ снарядъ, ударившись въ лѣвый кнехтъ, сдѣлалъ въ немъ выбоину и разорвался, давъ много

осколковъ и облако чернаго дыма. Осколки никого не ранили, только пробили мера поручней во многихъ мѣстахъ.

Около 4—4^{1/2} часовъ дня сигнальщикъ Аксентій Искричъ (ср. сл. 1902 г.) и флагманскій сигнальщикъ Черневъ—первые увидели плавающую мину Уайтхеда и быстро давъ знать о томъ въ боевую рубку, дали возможность рулевому Тимофѣю Бѣлоусову (ср. сл. 1902 г.) своевременно отвести руля (не ожидая приказаній) и тѣмъ спасти крейсеръ отъ встрѣчи съ нею. Когда мина проходила у насъ по правому борту и грозила опасность попасть ей подъ, крейсеръ „Аврора“, комендоръ Федоровъ по собственному побужденію бросился бѣгомъ на полують и махая фуражкой передалъ на „Аврору“ по семафору: „Берегитесь мины“. Матросъ Пѣнкинъ и другіе бывшіе здѣсь, тоже безъ всякаго приказанія начали кричать и махать фуражками. На „Аврорѣ“ поняли наши знаки, кто-то (офицеръ или комендоръ) показался на полубакѣ и крейсеръ, положивъ лѣво руля, благополучно миновалъ мину, оставивъ ее съ лѣвой стороны.

Во время боя мимо борта проплыло нѣсколько матросовъ: одинъ русскій и нѣсколько японскихъ. Съ помощію другихъ людей мнѣ удалось имъ бросить съ полуюта большія корзинки (для погрузки угля) и буйки.

Иеромонахъ о. Порфирій своимъ безстрашіемъ и полнымъ равнодушіемъ къ опасности подавалъ намъ всѣмъ примѣръ самоотверженія и честнаго выполненія христіанскаго долга. За все время боя онъ былъ повсюду, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ только ни случались раненые. Обходя палубы и спускаясь неоднократно въ перевязочный пунктъ, онъ всюду успѣвалъ принести пользу, гдѣ словомъ, а гдѣ и дѣломъ.

Было уже около шести часовъ вечера, бой все еще продолжался. Трупы убитыхъ и изувѣченныхъ перенесли сверху въ жилую палубу, гдѣ ихъ покрыли чистыми койками.

Когда стемнѣло, мы приготовились къ отраженію минныхъ атакъ. Изъ бывшихъ на верху пяти прожекторовъ—въ цѣлости остался только одинъ, остальные перебиты. Шестой прожекторъ на время боя для сохранности былъ убранъ подъ броневую палубу. Въ какихъ-нибудь 6—10 минутъ минеры съ мин-

нымъ кондукторомъ Кемпфомъ во главѣ и при личномъ участіи лейтенанта Политовскаго (младшаго миннаго офицера), подняли фонарь на верхъ, установили и собравъ проверили. Такое быстрое выполненіе сложной и кропотливой работы слѣдуетъ приписать исключительно энергіи и умѣлой распорядительности лейтенанта Политовскаго.

Съ наступленіемъ совершенной темноты, японскіе миноносцы пошли на насъ въ атаку. Минные выстрѣлы были слышны нѣсколько разъ, но всѣ мины прошли мимо.

Вся ночь прошла въ тревожномъ ожиданіи минныхъ атакъ и въ откачиваніи воды съ жилой палубы и изъ залитыхъ отсѣковъ. Прислугѣ орудій, подачи и части трюмно-пожарнаго дивизіона было разрѣшено спать у своихъ мѣстъ, имѣя всюду бодрствующими очередныхъ. На брансбойтахъ съ небольшими перерывами качали всю ночь. Трюмные полностью не прилегли ни на минуту, въ чемъ я лично всегда убѣждался при проверкѣ. Около раненыхъ, въ каютъ-компаніи, тоже не спали. Только около пяти часовъ утра, когда черезъ пробоины почти перестало поддавать, можно было прекратить качаніе брансбойтами. Завтракъ командѣ приготовить не удалось, потому что нельзя было развести огонь въ камбузѣ. Пробитая передняя труба не давала тяги. Самовары уцѣлѣли, почему приготовивъ командѣ чай, вскипятили въ нихъ воду и разогрѣли консервы.

По осмотрѣ пробоинъ на другой день выяснилось, что въ провизіонномъ отдѣленіи, по обѣ стороны 33-го шпангоута, были двѣ пробоины большого размѣра. Осколками были перебиты трубы, проводники и штоки клапановъ. По счастливой случайности воздушная труба турбины уцѣлѣла, почему турбина (носовая) могла дѣйствовать.

При задрѣлкѣ пробоинъ въ бою употреблялись всѣ средства, имѣемая подъ руками, а также заранее приготовленныя. Дыры въ борту затыкались матрасами, койками, малыми и большими чемоданами и укрѣплялись брезнами, досками, столами и рѣшетками. Благодаря неправильной формѣ пробоинъ не вездѣ койки и матрасы прилегали плотно къ краямъ дыры, тогда въ этихъ мѣстахъ забивались приготовленныя во всѣхъ

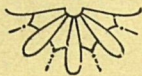
отдѣленіяхъ жилой палубы ветошь и обстрижка, смѣшанныя съ саломъ.

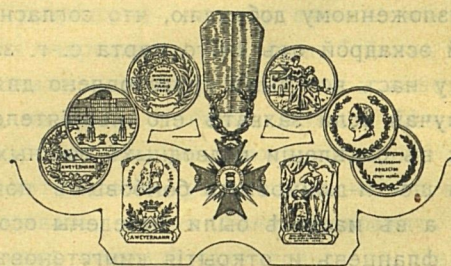
На другой день послѣ боя, когда вслѣдствіе большого расхода угля осадка наша уменьшилась и море утихло, пробоины были здѣланы особыми пластырями, устроенными слѣдующимъ образомъ: изъ матрасовъ дѣлалась подушка съ выступающими краями; подушку набивали просаленной паклей и затѣмъ прикрѣпляли къ одному или двумъ рѣшетчатымъ люкамъ или щитамъ помощію скобъ съ болтами. Болты внутри судна проходили черезъ скобы и прятывались гайками. Благодаря упругости подушки и ея большимъ размѣрамъ, она вполне герметически закрывала пробоину и не пропускала воды.

Къ вышеизложенному добавляю, что согласно приказа командующаго 2-й эскадрой отъ 14-го марта с. г. за № 159, еще до начала боя, у насъ все было приготовлено для уничтоженія крейсера, на случай если захватъ его непріателемъ окажется неотвратимымъ: въ отдѣленіи подводныхъ минныхъ аппаратовъ (надъ среднимъ шести-дюймовымъ бомбовымъ погребомъ) была заложена мина, а въ машинѣ были выведены особые люди для быстрой отдачи фланцевъ и открытія кингстоновъ циркуляціонной помпы, а также крышекъ конденсаторовъ холодильниковъ.

Объ особенно отличившихся нижнихъ чинахъ, кромѣ выше перечисленныхъ, мною будетъ представлено дополнительно.

Капитанъ 2 ранга *Лосоховъ*.

Худож. Типо-Литографія А. Н. ВЕЙЕРМАНЪ,

СПБ., Мѣщанская 2.

